

Ольга Сидельникова-Вербицкая

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ
(театральная сказка в четырёх частях)

Париж
Санкт-Петербург
2015

Вечная любовь

*Посвящается детям России,
жившим и ныне живущим...*

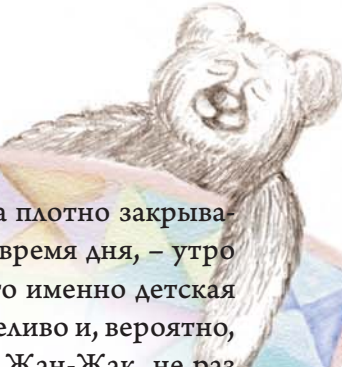

... Это история старых верных друзей девочки Тани. Девочки чаще играют в куклы, – но Таня любила игрушечных зверей. Однажды ей пришлось уехать ненадолго, а друзья-игрушки остались дома. И вот им вдруг показалось, что Таня их больше не любит... Такая вот грустная мысль пришла им на ум, и вот что из-за этого произошло.

Часть первая

СОМНЕНИЕ

... В комнате было тихо и темно. Окна плотно закрывали шторы, и было непонятно, какое сейчас время дня, – утро или вечер? Зато сразу было понятно, что это именно детская комната. В углу, под мягким одеялом терпеливо и, вероятно, давно лежали игрушки: потёртый Медведь Жан-Жак, не раз починенный Оленёнок Шего, заштопанный во многих местах Котёнок и новая, белоснежная болонка Нимфа с великолепным бантом на пушистой шейке. Каждый коротал время, как мог, Жан-Жак о чём-то размышлял, Шего, не отрываясь, смотрел Нимфу, Нимфа думала о своей невероятной красоте, а Котёнок возился под одеялом и пыхтел.

– Тихо, – сказал Жан-Жак, – Нам ещё не разрешали вставать. Не шуми!

– Я и не шумлю, – ответил Котёнок, – я свои лапы ищу. Мы так давно лежим, что у меня все лапы перепутались. Он совсем залез под одеяло и возился там, шепча: «эта не моя и вот эта не моя... А вот эта – моя!»

– Правда, Котёнок, не шуми, – попросил Шего, – возьми себе любые четыре лапы, которые понравятся.

– Конечно, лежать уже надоело, – сказала Нимфа. Она потянулась, поправила бантик и обратилась вежливо к Жан-Жаку: – Я совсем недавно тут живу и ещё плохо знаю распорядок этого дома. Значит, вы без разрешения никогда ничего не делаете?

– А зачем что-то делать без разрешения? – довольно нелюбезно спросил Жан-Жак. Он вовсе не хотел, чтобы молодые игрушки вроде Нимфы сразу приучались к беспорядку. – Нас всегда поднимала наша хозяйка Таня. Сначала она вставала сама, делала зарядку, обливалась холодной водой... (При этих словах Нимфа вскрикнула «Ой!» и спряталась под одеяло).

– Вам, может быть и «ой!», а Тане это привычно, потому что она закалённая. Ну, а потом Таня бежала к нам и говорила «доброе утро!». Правда, всё это было давно...

– Простите, пожалуйста, – опять начала Нимфа. Она совсем не боялась сурового Жан-Жака, – а в какие игры с вами играют и берут ли на прогулку? Лично я готова гулять только в хорошую погоду.

– Я гулял много, – сказал Оленёнок Шего, – Когда Таня была маленькой, я, как олень, вынужден был только щипать траву. Но потом я многое повидал, меня даже брали в театр. Это всё, к сожалению, в прошлом... А Вы любите траву?

– Нет! – вздохнула Нимфа. – Я ведь всё же собачка...

– Я раньше тоже гулял много, – крикнул Котёнок из-под одеяла, – а теперь меня давно уже никуда не берут. Наверное, оттого, что я очень уж испачканный и на правом боку немного порвано...!

6

– Не огорчайся! – строго приказал Жан-Жак. – Игрушкам это запрещено! Думай, что до тебя просто очередь не дошла. Я тоже поездил и повидал кое-что... Нахожу, что дома лучше, как в берлоге.

Звери полежали ещё, помолчали. Нимфа вздыхала, Котёнок возился и что-то шептал.

– Фу, как ты щекочешь мне ухо своими усами! – проворчал Жан-Жак, – не шепчи, говори громко.

– Разрешите нам всем встать! – прокричал Котёнок.

Жан-Жак почесал ухо, в котором зазвенело от этого крика, – Как же я разрешу, когда нам ещё не разрешали?

– Вот и разреши без разрешения, – сказал Котёнок, – Ты среди нас самый старший.

– Самый умный, – тихонько поправил его Шего, – его даже зовут, как французского философа – Жан-Жак.

– Не слышал про такого, – сказал Котёнок, – но тем более может разрешить нам встать без разрешения. Ему за это ничего не будет!

– Как же я это сделаю? – растерялся Жан-Жак.

– Скажи – разрешаю! И всё!

– Хорошо... Разрешаю встать без разрешения, – безо всякой радости в голосе сказал Жан-Жак. Котёнок кубарем выкатился из-под одеяльца, но остальные продолжали лежать.

– Что же Вы не встаёте? – спросила Нимфа Оленёнка.

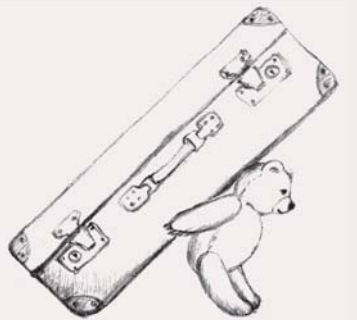
– Простите, я задумался... Послушай, Жан-Жак! Я, кажется, догадался, почему в нас так давно уже не играют. Мы стали старыми игрушками. Совсем старыми и не интересны-

7

В юности я и на пикник ездил

Дома лучше, как в берлоге

ми. Случилось самое страшное в игрушечной жизни: – мы надоели!

Котёнок перестал кувыркаться и вытаращил на Оленёнка глаза:

– Глупости! – крикнул он, – Вот всегда от оленей всем сразу становится грустно. Слышал ещё про такого же, Бемби звали. Тоже – обрыдаешься, как этот олень жил. Ишь ведь, чего выдумал, – надоели!!!

С этими словами Котёнок побежал под диван, напевая в усы: «надо – ели, а не надо – не ели...»

– Как Вы могли сказать такое? – заплакала Нимфа. – Я не старая, меня только что Тане подарили. Я интересная! Посмотрите, какой у меня бант!

– Фу-ты, ну-ты! – прокричал Котёнок из-под дивана, – посмотрите-ка на неё! Вы со своим бантом как раз самая несовременная, потому что не спортивная совсем, а сейчас спорт в моде. Вот я – в самый раз!

Под диваном слышалась особенно активная возня.

Жан-Жак встал на четыре лапы, он всегда так делал, когда волновался и сказал, как можно спокойнее:

– Не плачьте, Нимфа! И ты, Котёнок, вылезай из-под дивана. Как будто я не знаю, что ты там тихонько расстраиваешься, а этого игрушкам делать нельзя. Подойдите все ко мне и послушайте. Шего прав. Наше время прошло. Каждый из нас давно это понял, только Оленёнок сказал первым.

– Ах, нет! – вскрикнула Нимфа, – а как же я? Разве я не вовремя? – она приготовилась упасть в обморок, но Котёнок так лихо затанцевал вокруг «лезгинку», что отвлёл собачку от этого намерения.

– И совсем не во время..., асса! К шапочному разбору... асса!

Жан-Жак посмотрел очень строго, Котёнок притих.

– Я говорю серьёзно. Сейчас детям интересны другие игрушки, всякие там электронные штучки-дрючки. Им телефоны мобильные покупают, планшеты дарят. И даже компьютеры. Компьютерные игры нынешние дети очень любят. Мы отслужили своё, и наша хозяйка Таня дала нам это понять. Должно быть, нас скоро выбросят. Ведь от нас – одна пыль.

При этих словах где-то далеко раздалось глухое рычание. Игрушки в страхе замерли.

– Тихо! – прошептал Котёнок. – Ты забыл про пылесос! Нельзя произносить слово «пыль»... Он проглотит нас всех!

Некоторое время все прислушивались, но рычание не повторилось.

– Вопрос такой, – продолжил после паузы Жан-Жак, – Как жить дальше? Он посмотрел на Шего, и тот понял, что как лучший друг медведя он должен говорить первым:

– Во-первых, не будем расстраиваться преждевременно. Игрушкам это запрещено. А во-вторых, я думаю, нам надо сделать вид, что ничего не произошло. Пусть решает сама Таня. Время действительно изменилось, с этим нельзя не согласиться.

– А я не соглашусь! – крикнул Котёнок. – Мы, значит, будем лежать, пылиться, делать вид, – он споткнулся на этом

слове, и, зажимая лапой рот, закончил шепотом, – а потом придёт Пылесос – и привет... Не согласен.

– Про Пылесос забывать нельзя, – прошептал Жан-Жак. – Отношения у нас давно испорчены. Пылесос – враг беспорядка, – объяснил он Нимфе, – а самый большой беспорядок получается от игры. Так мы когда-то с этим парнем и рассорились. Теперь он ждёт момента, чтоб нам отомстить. Нынешние игры – тихие. Дети сидят, уткнув носы в разные электронные штуковины, и ничего вокруг не замечают. Итак, ясно одно, – нам пора сойти со сцены!

– Как красиво ты это сказал, – сойти со сцены! – воскликнул Шего и сделал изящный прыжок от восторга: – И как прекрасно ты придумал, Жан-Жак! Мы уйдём и поселимся в Стране Старых Игрушек.

– А где такая есть? – спросил Котёнок.

– Мне кажется, я знаю, – сказал Жан-Жак. – Я отведу вас туда.

– А как же я? – тихонько заплакала Нимфа. От слёз её великолепный бантик сразу промок.

– Решайте, – сурово сказал Жан Жак, – для нас выбора нет, а Вы...

– А вы, может быть, тоже пойдёте с нами? – Шего опустил голову и совсем тихо договорил. – Я бы всё сделал, чтоб Вы никогда не пожалели о своём решении. Конечно, я не молод, но Вы можете на меня положиться...

– Советую подумать! – закричал Котёнок и сделал сальто перед самым носиком собачки. – Во-первых, Вы беленькая, а у детей руки не всегда чистые. Во-вторых, – где-то поблизости прячется ужасный Пылесос!

Нимфе понравилось, что её просят, и она согласилась отправиться в путь вместе со всеми. Шего только вздохнул, от счастья он даже не мог говорить.

– Тогда не будем терять времени, – сказал Жан-Жак, – В путь!

Но в этот момент откуда-то сверху раздался голос: – Куда это вы собрались?

С полки на них смотрела большая и пухлая Баба-На-Чайник. Она всегда сидела ко всему равнодушная, держа у самого носа чайное блюдце:

– Не успела Таня уехать, а они уж взялись самовольничать. Обидели их, видишь ли... Я вот тоже не больно кому теперь нужна. Чайники нынче электрические, подогреваются быстро, чуть кнопку тронь – и готово. А мне уж и работы не стало. Бывало, посадят на чайник тепло беречь, и сидишь, как барыня, со всей семьёй вместе, разговоры слушаешь. Всё нынче для стариков закончилось, новые моды пришли.

– Значит, Вы нас понимаете, – довольно нелюбезно сказал Жан-Жак. – А потому разрешите откланяться, мы торопимся. Всего хорошего.

– Не-ет! – сказала Баба-На-Чайник, – это и не по-людски, так не делают. Вот дождитесь хозяйки, попрощайтесь и идите, куда хотите. Я слышала, она ненадолго уехала. Скоро и возвратиться. С собой, не стану врать, взяла что-то на мыльницу похожее. Планшет называется. И то сказать, теперешние игрушки спокойные. Не то, что вы, оголтелые... Покоя от вас нет!

– А вдруг она побудет без нас и соскучится. – Задумчиво сказал Котёнок, – И всё снова будет, как прежде... Что ты по этому поводу думаешь, Жан-Жак?

Медведь, что было признаком крайнего волнения, немного пососал лапу: – Сам не знаю, может, мы спешим. Пожалуйста, подождём!

– Ура, подождём! – Котёнок заплясал от радости «русского».

– Я тоже рада остаться, – сказала Нимфа и посмотрела на Шего.

– И я, – вздохнул Оленёнок. Он всегда вздыхал, когда смотрел на эту обворожительную собачку. – Какая Вы необыкновенная!

– Да самая она обыкновенная собака! – Фыркнул Котёнок. – Четыре лапы, хвост... Бант этот вовсе ни к чему. Я свой сразу потерял, как только меня купили.... Ну, если решили ждать Таню, надо заняться чем-нибудь интересным.

– Главное, – полезным, – поправил Котёнка Жан-Жак. – Мы вполне можем ещё доказать, что и старые игрушки могут пригодиться. Какие есть идеи?

А вдруг она побудет без нас и соскучится...

Все посмотрели на Бабу-На-Чайнике, но она делала вид, что ей интересно только пить чай из блюдца.

– Можно, вообще-то, ремонт сделать, – неуверенно сказал Котёнок. – Летом, я слышал, всегда ремонт в квартирах делают.

– Ремонт, – это не пирожное случайно? – спросила Нимфа, – Я слышала, например, эклер... Говорят, очень вкусно...

– Некоторые только про еду и думают, – пробурчал Котёнок.

Все ждали, что скажет Жан-Жак. Тот подумал и решительно встал на четыре лапы: – Ремонт – это вот что. Наклеить новые обои, побелить потолок, покрасить пол.

– Ничего себе! – свистнул Котёнок. – Это сколько работать придётся!

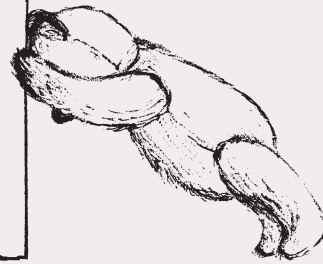
– Да ну, – подала голос Баба-На-Чайник. – Глаза страшатся, руки делают. Вы ж игрушки, и ремонт будет игрушечный. А всё ж занятие... Принимайтесь!

– А чем красить? – поинтересовался Шего, – и обоев у нас нет.

Жан-Жак не сдавался. Ему очень хотелось доказать всем и самому себе, что от игрушек бывает не только беспорядок, но и польза. Даже если они состарились.

– Не обязательно делать всё, как при настоящем ремонте. Можно изобрести новый метод. Я предлагаю взять Танины цветные карандаши, краски, – всё это есть у неё в ящике, и начать работу.

– Ну, всё, – весело махнул лапой Котёнок, – тогда конец, совсем перестану быть белым!

Нимфа чуть не плакала:

– Да, очень печально для меня! Я совсем новая, и вдруг – ремонт!

Этого уж Котёнок стерпеть не мог:

– А я вот не боюсь, – крикнул он назло Нимфе, – и буду всех белоручек, тьфу, белолопок, заражать своим личным примером!

– К тому же и заражать чем-то хот-я-ят! – Нимфа рыдала в голос.

Шего загородил её от Котёнка и сказал очень нежно: – Вот честное слово, я всё-всё за Вас сделаю!

– Итак! – объявил Жан-Жак, – стены разукрасим цветными карандашами, пол выкрасим – м-м-м – зелёной краской. Это, кстати, специально для моего друга Шего. А потолок пусть будет голубой.

– Простите, – сказала Нимфа, – Вы сказали, что потолок будем белить, а теперь выходит – голубить?

– Я предупреждал, – сухо ответил ей Жан-Жак. – Я предупреждал, что мы осваиваем новый метод. Мой тёзка, французский философ Жан-Жак Руссо говорил... Впрочем, об этом потом. Начинаем! Прежде всего, достаём карандаши и краски. Откройте-ка ящик стола!

– Итак, начнём, начнем, пожалуй, – запел Котёнок и, пританцовывая, отправился к письменному столу. – Мы, значит, теперь кто такие, как называемся?

– Мы – рабочие! – Жан-Жак внушительно поднял правую лапу, – Это гордое слово!

– Раб-очие, – пыхтел Котёнок возле письменного стола, – Ра-бочие ... Ну, допустим... А ты кто?

– А я – прораб! – Гордо объявил Медведь.

– Никогда не слышала этого слова, – удивилась Нимфа.

– Прораб, это который всё знает про рабочих, – объяснил ей Шего.

– Готово! – крикнул Котёнок. – Я сломал замок в Танином ящике!
– Зачем ты его вообще вертел? – огорчился Шего.
– Таня никогда его не запирает!

– Хотелось, чтобы всё было по-настоящему. Если есть замок – надо отпереть!

Жан-Жак посмотрел на случившееся и грустно подытожил: – Теперь не починить...

– Может, я попробую – предложил Шего, – у меня копытца..., – он очень любил выручать друзей.

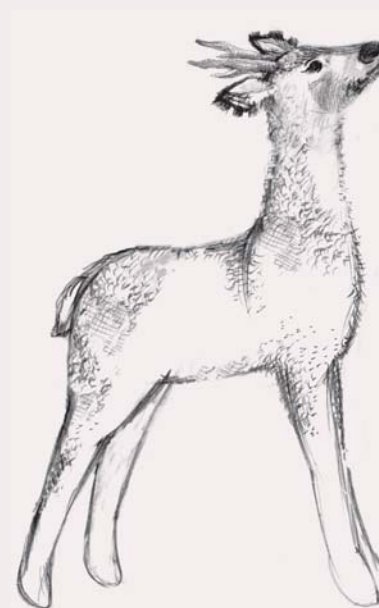
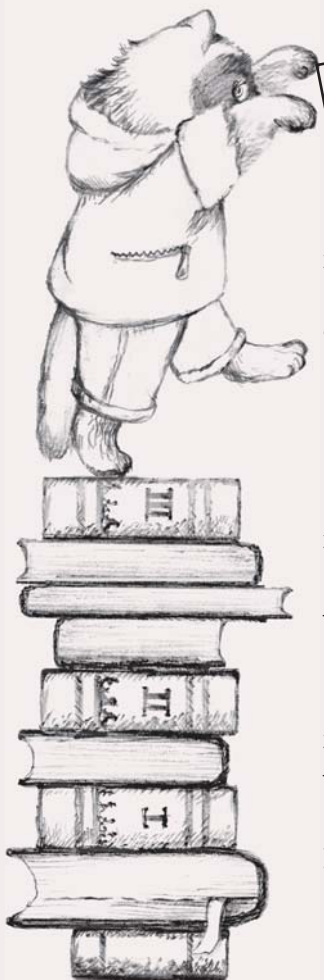
– Нет, – вздохнул Жан-Жак – тут нужны инструменты.

– Я думаю, нужна дрель, – авторитетно заявил Котёнок. Он совсем не был смущён.

– Ой, трель! – обрадовалась Нимфа. – Это красиво, я знаю. Это у соловья всегда трель!

Котёнок поморщился: – Причём тут соловей! Дрель – такой быстрый гвоздь. Он вертится, и это называется сверлить... Ой, я придумал! Вставим обычный гвоздь в замок, будем его вертеть. Вот и получится дрель!

– Прекрасно! – воскликнул Жан-Жак. – Это тоже новый метод. Прекрасно!

– Я с гвоздями не могу, – предупредила Нимфа.

– Это понятно, – успокоил её Шего, – у Вас ведь лапки очень нежные. Может, я?

– У тебя ноги очень длинные, – забраловал Котёнок.

Жан-Жак крикнул и не очень уверенно предложил:

– М-м-м ...Может, я подойду?

– А ты прораб! – отверг с ходу Котёнок, – Тебе вертеться не положено. Нет, давайте уж я. Всё равно решил всех заразить личным примером.

Нимфа отошла от Котёнка подальше:

– Вы всё заразить да заразить хотите...

А я и так чихаю...

– Личный пример – не грипп, – Котёнок оглядел комнату. – Надо гвоздь найти, вот что!

– Гвоздь из стены придётся вытащить, – сказал Жан-Жак, – вон картина висит.

Шего забеспокоился: – Ах, придётся ведь вставать друг другу на спину, – он нежно посмотрел на Нимфу, – прошу меня считать за двоих!

– Спасибо! – прошептала Нимфа.

Котёнок вздохнул: – Как вы надоели со своими нежностями. Пусть Жан-Жак встанет первым, у него спина широкая. Начали!

На Жан-Жака вспрыгнул Шего, на него вскарабкался Котёнок. Но так они только взобрались на стул. Впереди предстояло штурмовать стол, и только со стола можно было дотянуться до картины. Когда всё это было проделано, Котёнок, поднатужившись, выдернул из стены гвоздь, и картина упала на пол.

– Да, дела ... – задумчиво произнёс Жан-Жак.

– Она мне никогда не нравилась, – небрежно сказал Котёнок. – Ну!! Приготовились! Делай др-р-рель!

Вставленный в замок гвоздь Котёнок изо всех сил сжимал лапам и зубами, а Нимфа и Шего вертели его, дёргая за лапы, усы и хвост. Жан-Жак говорил по ходу дела «так... ещё... легче... наддай...» Должен же кто-то руководить работой! Наконец, замок щёлкнул!

– Ну, и всё! – сказал гордо Котёнок и выплюнул гвоздь.

– Молодец! – похвалил Шего.

А чей-то тонкий голос крикнул рядом очень выразительно:

– Люблю!!!

Все посмотрели на Нимфу. Больше всего тонкий голосок подходил именно ей. Но оказалось, что собачка занята своим роскошным бантом и отражением в стекле книжного шкафа. А чей-то голосок так же радостно повторил :

– Люблю!!!

Тут все заметили маленького головастого человечка. Всё у него было мягкое, тряпчатое. Волосы верёвочные, глаза и рот до ушей были вышиты нитками, а в руках он держал сердце, большое и красное сердце, или, скорее – мягкую подушечку в форме сердца.

Жан – Жак откашлялся и басом произнёс:

– Позвольте поинтересоваться, с кем имеем честь!

– Конечно, от тётки – философа он многого набрался, – сказал Котёнок и, топорща усы, приблизился к незнакомцу:

– Кто ж такой? Не припомню...

– Люблю..., – застеснялся человечек.

– Не понял, – сказал Котёнок. – Как зовут, откуда прибыл?

– Да это Валечка-Коротыш, – объяснила Баба-На-Чайник, – внучок мой. Ох-ох! Ведь я уж сколько лет чай тут всё пью! Была Баба, да вся вышла! Нынче – Бабушка. Так и зовите. А Валечка весь в меня пошёл, головёнка тоже тряпчатая.

– А почему он одно и тоже повторяет? – проворчал Жан-Жак.

– Так он больше и не знает ничего, – вздохнула Бабушка, попивая из блюдечка. – Он ведь не мудрёный, «валентинка» всего-навсего, сердечко-то у него красненькое в руках видите? Ну, и твердит «люблю» всё время. Убогонький... Такой уродился...

– Да! «Валентинка» – это тебе не философ и не благородный олень, – заключил Котёнок. – А он откуда взялся?

– Так картиной его с этажерки сбило. Небось, ушибся, Валюша?

– Люблю! – тихонько пожаловался тот.

– Будем знакомы, Коротыш, – сказал Жан-Жак. Ну, а теперь зря времени терять не будем. За работу! Начинаем ремонт!

Кто никогда не занимался ремонтом, тот не знает какое это интересное дело. То, что было грязным – становится чистым, то, что было тусклым, – становится ярким. А, кроме того, если ты не один, а с друзьями, то это не работа, а одно удовольствие, знай напевай да насвистывай. Так звери и работали. Но вскоре азарт стал остывать, игрушки уже не напевали, не присвистывали, не подпрыгивали от радости, а потом и вовсе притихли и уселись рядышком, понурые и печальные.

– Настоящим рабочим быть трудно, – сказал Шего. – У меня краска с потолка капала на пол. Пол стал голубым, а мы хотели сделать его зелёным.

– А я краской для пола стены испачкал. Лизал, лизал, а не помогло. Только язык стал зелёным, – насупился Котёнок и показал язык.

– И раскрашивать обои цветными карандашами нельзя, – сердито сказала Нимфа. – Никакой это не новый метод, а так... баловство.

Жан-Жак сидел понуро, видно было, что это очень старый медведь.

– Электронные игрушки тем хороши, что всё могут объяснить, и они всегда умные. – Устало сказал он. – В них специальные мозги вставлены. А у нас в головах...

– Люблю! – пожалел его Валечка и протянул ручки, держащие красное сердечко-подушечку.

– Интересно было бы посмотреть, что у этого чудика в голове, – пробормотал Котёнок. – Ничего! Мы учиться пойдём! Правда, Шего?

Оленёнок, как всегда, был рад поддержать друзей, – Я бы выучился на электромонтёра, – сказал он. – Я знаю, что электромонтёр сильнее пылесоса.

– Я пошёл бы учиться краны чинить, – вздохнул мечтательно Котёнок, – Не люблю, когда они капаяют.

– Я бы училась петь! – заявила Нимфа.

– А ты кем бы хотел стать? – спросил Котёнок Валечку-Коротыша.

– Люблю..., – прошептал тот.

– Ну, с тобой всё ясно, – проворчал Котёнок. – Вы как хотите, а я пойду, поищу, где на мастеров учат. Кто со мной?

– Это куда ж вы собрались? – поинтересовалась Бабушка, – Вам что, заняться нечем? Дождитесь хозяйку, а там и решайте. Она в школу осенью пойдёт, а вы тогда ремёслам учиться. А сейчас лето, летом кто ж учится? Каникулы...

Котёнок огорчился: – Что ж, так до осени и будем сидеть? Я трудные дела люблю, а не то, чтобы там клубок катать. Этим меня не возьмёшь! Если трудного дела нет, – отправляюсь бродяжничать!

– Да, а вы сельским хозяйством займитесь, – посоветовала Бабушка, – Чего уж труднее!

– Тогда копать придётся, я знаю. – сказал Жан-Жак. – А чем?

– Всё у нас имеется, – улыбаясь в блюдечко, сказала Бабушка, – И лопаты, и грабли, и лейки... У Тани в игрушечном ящике поищите!

– В сельском хозяйстве труд механизирован! – сказал Котёнок.

– Ну, не везде, – возразила Бабушка, – да вы не страшитесь, и на большие урожаи не замахивайтесь. Сейчас вот лето, можно завести огород.

Нимфа забеспокоилась: – Я, конечно, согласна, но не забывайте, что я новая, очень беленькая и очень пушистая! Мне с землёй возиться опасно!

Она посмотрела на Шего умоляюще.

– Вот честное слово, – сказал Олень, – я всё всё за Вас сделаю!

– Вот и принимайтесь за дело! – одобрила Бабушка. – И горшок с землёй есть и луковица найдётся. Вскопаете, взрыхлите и посадите лук!

– Но я бы хотела апельсин... – сказала Нимфа жеманно.

– Да-да, апельсин посадить было бы чрезвычайно интересно, – поддержал её Шего.

– А мне интересно лук, – сказал Котёнок и посмотрел на Жан-Жака. Последнее слово, как всегда, было за Медведем.

– Вообще-то, Таня любит салат с луком. А мы, в конце концов, всё делаем для неё. Правильно я говорю, Коротыш?

– Люблю! – аукнул сразу Валечка.

– Начинаем! – подытожил Жан-Жак. – Мы теперь фермеры-овощеводы!

– Значит, я овощеводка? – спросила Нимфа

– Слово «водка» для игрушек ругательное, – заметил Котёнок. – Будете овощевод, как и все.

Каждый может дома сделать маленький огород. Цветочный горшок или ящик с землёй поставить на подоконник и посадить туда всё, что захочешь: луковицу, петрушку, укроп или даже семечко лимона или апельсина. Жан-Жак работал очень старательно, он привык показывать пример друзьям. Шего тоже старался, тем более, что работал за двоих, – за себя и за чудесную неповторимую собачку Нимфу. Котёнок, немного поработав, положил лопату.

– Устал? – Спросил его Жан-Жак.

– Разве это работа, – фыркнул Котёнок. – Пойду на курсы трактористов! Лопата – это вчерашний день.

– Ну и что? – удивился Шего, – вчерашний день тоже всем важен. Разве нет?

Жан-Жак глянул на Котёнка с осуждением.

– Мы должны всё делать вместе. Мы ведь друзья. Бери грабли и ровняй землю.

Котёнок вздохнул, вместе со всеми принялся разравнивать землю, и, наконец, грядка под луковицу была закончена.

– Молодцы! – похвалила Бабушка, – теперь надо землю полить, луковицу в неё воткнуть и ждать урожай.

Игрушки, всё исполнив, сели рядком и устались на горшок с землёй. Нимфа оглядела себя и осталась довольна, что совсем не испачкалась. Шего устало вытянул ножки и разминал копытца, – он ведь работал за двоих. Котёнок немного повожился с лейкой, намочил лапы и посмотрел на примолкших друзей: – Что ж, – так вот сидеть и ждать? – поинтересовался он.

Gastropoda

– Лук, как и трава, растут не очень быстро,
– сказал Шего.

– Ну, тогда всё, – объявил Котёнок, – ухажу бродяжничать. Потому что если меня не занять... Я себя знаю.

– А давайте мечтать, – предложил Жан-Жак, – Вот вернётся Таня и увидит, что её старые игрушки ремонт сделали, огород посадили..., – он посмотрел на упавшую картину и откашлялся: – И вообще – старались... У меня есть предложение. Мы ведь вначале хотели уйти...

– На пенсию! – вставил Котёнок.

Жан-Жак посмотрел на него осуждающе. – Мы хотели уйти в Страну Старых Игрушек, но раздумали, потому что, кажется, нашли себе дело. Но сейчас никто не мешает нам отправиться на экскурсию.

– Ура! – прокричали игрушки и тут же приготовились двинуться в путь.

Бабушка, не отвлекаясь от блюда, поинтересовалась:

– Если все уйдёте, – кто же грядку будет караулить?

– От кого? – хором спросили звери.

– От вредителей, от кого ж ещё. В огородах всегда вредители есть. Да они теперь вообще повсюду снуют. Даже в этих... в компьютерах тоже, говорят, вредители заводятся. Вирусы называются.

24

Луковый
скрытнохоботник

– Какой ужас! – ахнула Нимфа.

– Значит, не пойдём... – вздохнул Шего.

Но Бабушка, как большинство бабушек, была добрая и понимающая

– Ладно, – сказала она, – сама покараулю. А вы уж зато внука моего, Валечку-Коротыша с собой захватите. Пусть с вами прогуляется, ничего ведь интересного в жизни не видит.

– Люблю..., – грустно подтвердил Коротыш.

– Зачем он нам? – Котёнок распушил от возмущения усы. – С ним в дороге трудно. Он бесполезный, у него вон и руки всегда заняты!

– Люблю..., – тихонько заплакал Коротыш, протягивая ко всем ручки, крепко и постоянно сжимающие красное сердце-подушечку.

– Какая неумная фантазия! – возмутилась Нимфа. – Может, ему это сердце тут оставить?

– Нет, – грустно покачал головкой Шего. – Ему с такими неудобствами выпало жить. Игрушки тоже судьбу не выбирают.

– Пусть идёт, – решил Жан-Жак, – справимся. Он ласково погладил Коротыша по верёвочным волосам.

– Вот и ладно, – обрадовалась Бабушка, – присядьте на дорожку.

Все на минутку присели, и потом направились к двери.

– Прощайте! – закричала Бабушка, – Коротыша берегите, Пылесоса, будь он неладен, остерегайтесь!

25

Она всё ещё наказывала что-то вслепую, вытирала платочком глаза, не забывая прихлебывать из блюдца, а вся компания уже скрылась из глаз.

Часть вторая ИСПЫТАНИЯ

...Очень редко удаётся игрушкам одним погулять по всей квартире. Даже ночью этого делать нельзя, потому что кто-нибудь из хозяев квартиры может проснуться. И если увидят, что игрушки не на месте, то попадет за это детям: «Почему ты не убираешь свои вещи?» – говорят в таких случаях. – «Твои игрушки разбросаны по всей квартире!» И никто, кроме детей, не догадывается, что это вовсе не беспорядок. Что игрушки не разбросаны, а просто гуляют, путешествуют по новым местам. Для них это отдых, как для людей поход в кино, в театр или к друзьям. Зато игра – самая настоящая и нелёгкая работа. Жан-Жак понимал, что поход, в который они отправились, будет не таким уж и лёгким. За старых друзей он не беспокоился, они многое испытали за игрушечную жизнь, но вот в Нимфе он не был уверен. Да и Валечка-Коротыш был ему, в общем, мало знаком, и чего от них ждать в пути было медведю неизвестно. Про себя он решил обращать в пути внимание «походников» на интересное и невиданное ими ранее. Дорога от этого, по его мнению, должна была казаться легче и веселее. Как всегда, он поделился своими мыслями с Оленем:

– Чтобы не устать, – нужны разнообразные впечатления. Как ты считаешь?

– Согласен, – сказал Шего.

Котёнок наострил уши:

– А если будут только однообразные? Тогда как?

– Так не бывает, – успокоил его Жан-Жак.

Но пока, всё, что встречалось на пути, было игрушкам знакомо, и особенного удивления не вызывало. Поэтому Нимфа начала отставать, зевать украдкой и больше охорашивать свой бант, чем смотреть по сторонам. Коротыш тащился с трудом, слишком большое для него сердце-подушечка оказалось совсем не лёгкой ношей. Но всё же он нет-нет, да и шептал тихонько своё единственное слово «люблю».

Жан-Жак принял меры:

– Наше путешествие, дорогие друзья-игрушки, необычно, – громко, как в микрофон, объявил он. – Оно проходит под девизом «Интересное рядом»! Котёнок – лектор. Прошу!

– Ты сказал – «котлектор»? – облизнулся Котёнок. – Довольно вкусное слово!

– Я сказал, что ты сейчас лектор! – прорычал Жан-Жак, – Рассказывай всё, что тебе известно вот об этом предмете.

...это не я
...это Барсик

Барсик хороши

Кошмар!

– Это не предмет, а диван, – удивился Котёнок. – Пожалуйста, если хотите – могу рассказать.

Вся компания устроилась вокруг него, Котёнок откашлялся и начал, как заправский экскурсовод:

– Итак, посмотрите направо, посмотрите налево. Что вы видите? Вы видите перед собой предмет по имени диван, который существует для прыганья на нём детей и для отдыха котов. Ни то, ни другое взрослые хозяева квартиры не поощряют. Самая интересная часть дивана находится под ним, там почти всегда можно найти катушки, шарики, карандаши и, конечно, пыль!

*На старости лет понимаешь,
какая длинная жизнь
у собственной глупости.*

Поблизости раздалось глухое завывание.

– Не произноси этого слова! – в ужасе закричал Шего. – Ты забыл?!

Котёнок действительно увлёкся и забыл, как игрушкам опасно произносить вслух слово «пыль». Ведь зловредный Пылесос, враг всякого беспорядка, услышав это слово, начал, захлёбываясь, рычать и метаться на своём чёрном поводке. Главной его заботой в такой момент было желание добраться до места, где это слово было произнесено. Игрушки замерли.

По знаку Жан-Жака они легли рядышком, закрыли глаза и, прислушиваясь, ждали. Вой и рычание постепенно удалилось и совсем затихло. Жан-Жак разрешил всем подняться, но всё же, осторожности ради, игрушки говорили шёпотом.

– На старости лет понимаешь, какая длинная жизнь у собственной глупости. И зачем я когда-то испортил отношения с Пылесосом? Мой тёзка философ Жан-Жак всегда говорил...

– Что всё дело в разных взглядах на жизнь, – закончил Шего грустно. Он помог Нимфе расправить помятый бант.

– Я бы предпочла его лучше не сердить, – пролепетала насмерть испуганная Нимфа.

– Всё равно другого выхода не было! – Отрезал Котёнок. – Не на колени же перед ним становиться!

Коротыш почему-то заволновался и, протягивая каждому подушечку-сердце, твердил:

– Люблю... люблю... люблю...

– Да помолчи ты, «валентинка» несчастная! – не выдержал Котёнок, – Вот ведь навязался на нашу голову!

Они пошли дальше, но старались двигаться бесшумно и не разговаривать.

– Ах, как скучно идти, молча, – прошептала Нимфа оленёнку на ухо, – Вы не знаете, будет ли продолжение лекции «Интересное рядом»?

– По – моему, уже можно. – Шего умоляюще посмотрел на Медведя. – Мы далеко ушли...

– Шуметь ещё не следует... – Жан-Жак помнил, как коварен Пылесос, – но если тихо... Продолжай, Котёнок

– Итак, дорогие игрушки, продолжаем нашу лекцию, – бодро заговорил Котёнок. – Сейчас мы стоим возле предмета под названием «пианино». Как и мы, оно тоже предназначено для игры. Но существует, как говорят в Одессе, маленькая разница. Нельзя сказать «я хочу играть в пианино», в то время, как вполне позволительно произнести «я хочу играть в Шего».

– Правильнее – хочу играть «с Шего». – Заметил Оленёнок.

– Это так! – подхватил Котёнок, – но сказать «я хочу играть с пианино» тоже нельзя, а правильнее – «я хочу играть на пианино».

– Прости меня, Котёнок, – вмешался Жан-Жак, – мне кажется, нельзя так скучно рассказывать о музыкальном инструменте. Ведь в нём рождается музыка!

– Подумаешь! – обиделся Котёнок, – Для музыки вначале нужен музыкант, а пианино потом.

– Музыка – это прекрасно! – воскликнула Нимфа. – Я так люблю танцевать!

– Люблю! Люблю! – радостно подхватил Коротыш.

Жан-Жак думал, что ответить. Танцев он не понимал даже в молодые годы, но друзьям он должен был доставить удовольствие.

– Почему бы не потанцевать? – пробурчал он, поглядывая на Котёнка. И тот понял, что этот ответственный момент возложен на него.

– Для танцев нужен вальс, – сказал он авторитетно. – Это не трудно. Левая лапа ударяет по клавишам один раз, а правая потом два раза. Раз, два, три-и... Раз, два, три-и.... – Он слегка покружился. – Клавиши высоко, а то бы я сыграл!

Шего смутился. Ему было совестно перед Нимфой, что он не сможет сыграть вальс на пианино. Ведь у него были не лапки, а копытца. Они умели хорошо цокать, но для игры на пианино нужен мягкий удар. Жан-Жак ткнул друга в бочок с давно выгоревшими оленьими пятнышками.

– Сейчас будет тебе музыка, – коротко сказал он и полез на стул.

– Да не вовремя вы это всё затеяли, – поморщился Котёнок, глядя как трудно влезать старому Медведю.

– Молодым я делал это легко, – пыхтел Жан-Жак, – особенно хорошо выходило у меня прыгать со стула. Ну, вот, – сказал он довольным голосом. – Крышка открыта, я начинаю играть. А тебя, Котёнок, попрошу на счёт «раз» садиться на педаль, чтоб громче было.

И Жан-Жак заиграл вальс: «раз» левой лапой, «два, три» – правой. И раз, два, три, ... И раз, два, три...

Шего почтительно склонил головку и пригласил Нимфу на танец. Она присела, поправила бантик, и они совсем неплохо

Молодым я делал это легко

потанцевали. И Коротыш кружился рядом со своей подушечкой. Красное сердечко он поднимал высоко над головой и напевал под музыку: люблю – люблю, люблю – люблю, люблю, люблю, люблю!

Котёнок азартно плюхался на педаль и старательно отсчитывал: раз, два, три... Раз, два, три...

И вдруг Нимфа громко чихнула:

– Фу, – сказала она Котёнку, – какую же Вы пылищу подняли!

Она тут же сообразила, что совершила страшную ошибку, но было уже поздно. Совсем рядом раздался дикий рёв, налетел холодный ураганный ветер. Он дул всё сильнее и сильнее, страшная его сила обрушилась на игрушки и потащила их в разные стороны.

– Держитесь! – закричал Жан-Жак сверху. – Держитесь друг за друга! Я иду к вам!

Он приготовился прыгнуть, но... воющий ураган с силой захлопнул крышку пианино, и она прищемила Жан-Жаку лапу. Всё было кончено! Жан-Жак мог только беспомощно смотреть на гибель друзей. Он видел, как заплакала навзрыд испуганная Нимфа, как загородил её своим телом Шего. Стараясь удержаться на ногах, он изо всех сил упирался копытцами в пол. Несчастный Коротыш сжался в комочек и загородил лицо сердцем-подушечкой. Только Котёнка не было видно, и Жан-

Жак обрадовался, что, может, хоть ему одному удастся спастись и он сможет потом всё рассказать Тане. А рёв был совсем рядом, ледяной ветер ударил со страшной силой. Вот она, гибель! Жан-Жак закрыл глаза.

– Пыль здесь! Иди сюда, глупый Пылесос! – раздался вдруг звонкий крик.

Ураган стих, рёв стал глуше, казалось, Пылесос прислушивается.

– Вот она, пыль! О-го-го, какая пыль! Ужас, какая прекрасная пыль!

Конечно, этот голос Жан-Жак узнал бы всегда: – Котёнок..., – прошептал он, – Дорогой и верный друг!

Ветер затих, рёв стал удаляться в сторону, куда уводил его звонкий голос Котёнка. И вот, наконец, всё стихло. Опасность миновала!

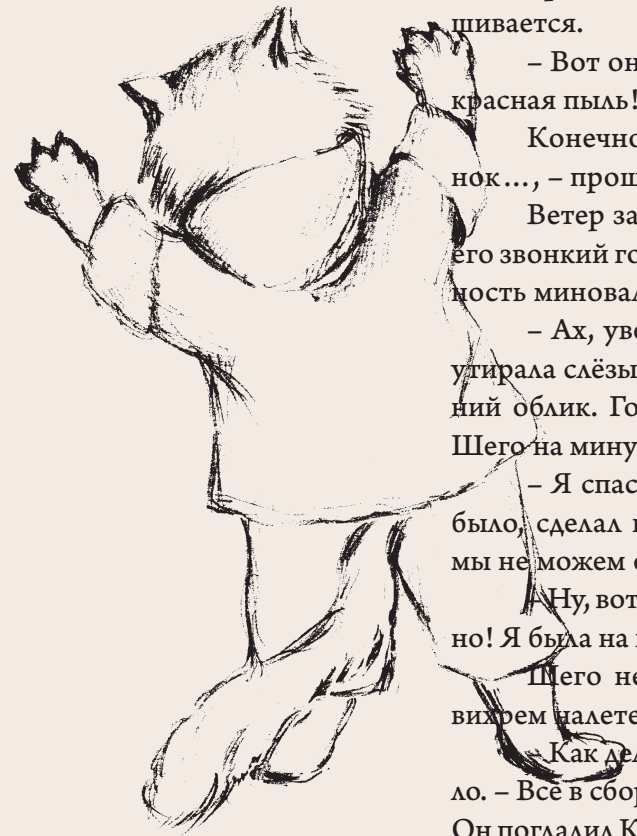
– Ах, уведите меня скорей отсюда! – Нимфа плакала и утирала слёзы своим бантом, сильно утратившим свой прежний облик. Голосок её был таким слабым и дрожащим, что Шего на минуту забыл обо всём на свете.

– Я спасу Вас, я уведу Вас очень далеко отсюда! – Он, было, сделал шаг в сторону, но остановился. – Только ведь мы не можем оставить друзей...!

– Ну, вот! – опять расплакалась Нимфа. – Мне так страшно! Я была на волоске от смерти, а Вы...

Шего не успел ничего ответить, потому что на него вихрем налетел Котёнок.

– Как дела? – поинтересовался он, как ни в чем, ни бывало. – Всё в сборе? И недоразумение наше цело и невредимо? – Он погладил Коротыша по верёвочным волосам, – Испугался?

– Люблю! – Благодарно прошептал тот.

– Спасибо, Котёнок! – сказал Шего. – Ты всех спас!

– Не преувеличивай, – Котёнок внимательно посмотрел на плачущую Нимфу, – а о чём это наша дева плачет, о чём слёзы льёт?

– Испугалась. – Тихонько объяснил Шего.

– А-а, – протянул Котёнок, – Я думал, ей Жан-Жака жалко!

И тут все посмотрели наверх. Жан-Жак постарался улыбнуться друзьям и загородил прищемленную крышкой лапу...

– Вы, пожалуй, идите дальше, – сказал он, как можно непринуждённой, – а я тут ещё посижу, поучусь играть...

– Прости нас, Жан-Жак. Конечно, мы все останемся здесь и поможем тебе. Правильно я говорю, друзья.

– Люблю! – крикнул Коротыш, и это было общим ответом.

– Но ведь может вернуться этот..., – Нимфа побоялась произнести слово «пылесос», – этот ужас!

– Вообще-то, я этого дурака далеко увёл, – сказал Котёнок, – но кто знает... Надо что-то придумать!

Он сделал стойку на передних лапах и подрыгал в воздухе задними.

– Придумал! – объявил он, наконец. – Сделаем так. Вытащим лапу Жан-Жака и уйдём отсюда все вместе. А?! Что? Здорово?!

– Да, это мудро, – согласился Шего и ободряюще кивнул Жан-Жаку, – всё будет в порядке, дружище!

...Крышка пианино очень тяжёлая, и если она прихлопнет руку или лапу – будет, конечно, больно. И без помощи друзей Жан-Жаку абсолютно не на кого было надеяться.

Крышка хлопнула и
Модест Петрович Мусоргский
ахнул!

– Придумал! – заорал Котёнок! – Мы сейчас заберёмся к тебе на стул и ...

– Исключено, – прервал Жан-Жак. – Не забывай, – сейчас вас только двое и вы не достанете.

Котёнок грозно посмотрел на Нимфу: – Ты ошибаешься! Нас трое!

– Но Коротыш ведь не в счёт! – грустно сказал Жан-Жак, – У него ручки заняты...

– А я Нимфу имел в виду! – выкрикнул Котёнок прямо в белоснежную мордочку собачки.

Шего в испуге ахнул: – Неужели ты предполагаешь, что кому-то возможно встать ногами на спинку этой необыкновенной собачки?!

Котёнок от ярости распушил усы: – У меня есть необыкновенный друг Жан-Жак, который сейчас в беде! А с «необыкновенными» спинами, извините, – не знаком. И учтите, Нимфа: Вы сейчас встанете на меня, а на Вашу спинку заберётся Шего. Только он может упереться лбом в крышку пианино и хотя бы чуть-чуть чуть приподнять её.

Нимфа даже не заплакала, – Вот и всё, – произнесла она обречённо. – Я знала, я предчувствовала...

– Ничего, – успокоил Котёнок. – Привыкайте. Вы – игрушка или где!... То ли ещё будет!

Так они и сделали, другого выхода не было. Котёнок подставил спину Нимфе, к ней на спинку прыгнул Шего. Ему удалось, упершись лбом, чуть приподнять тяжёлую крышку, ...и лапа Жан-Жака была спасена!

– Спасибо, друзья, – сказал растроганно Жан-Жак, – спасибо Вам, Нимфа.

– Обычное дело, – небрежно заявил Котёнок. Он глянул на поникшую Нимфу, подошёл и расправил её помятый бантик. – Так не проживёшь, чтобы ничего не случилось, – тихонько сказал он ей. – Привыкнешь... Мы ведь игрушки, наша жизнь – сплошные потери. И шерсть, и лапы, и уши... Всё ещё впереди.

– Но разве нет другой жизни? – безжизненным голосом спросила Нимфа.

Друзья помолчали. Потом Жан-Жак произнёс:

– Что ж... Не буду скрывать. Другая жизнь существует в стране, где живут Игрушки Для Красоты. Страна эта находится вон в том шкафу за стеклом. Меня нового вначале поселили там, – ненадолго. Там я и познакомился с местными жителями. Они назывались «статуэтки».

– Несерьёзное слово! – фыркнул Котёнок.

– А чем они занимались? – поинтересовался Шего.

– Сидели и всё. Это называется у них «украшать».

– Скука зелёная! – пробурчал Котёнок.

Но Нимфа очень тихо сказала: – Ах, как это прекрасно, – жить для красоты! Быть всегда новой и чистой! Если бы было возможно хоть немного пожить такой жизнью!

Шего смотрел на неё, не отрываясь, потом попросил друзей: – Давайте доставим ей удовольствие и немного поживём для красоты...

– Как это? – Не понял Котёнок.

– Ну, это будет, как игра, – заторопился Оленёнок. – Просто мы изобразим, что украшаем... Время ведь у нас есть.

– Время – не мясо, его есть нельзя. – Попробовал пошутить Котёнок. – Это вон пусть убогий наш изображает всякие глупости, а я не согласен.

Коротыш, понял, что Котёнок говорит про него и жалобно всхлипнул: – Люблю-ю-ю...

– Хватит, Котёнок, – строго сказал Жан-Жак. – Зачем ты всё время обижаешь Коротыша? Нам не трудно. Посидим для красоты. Для тебя, Шего, я на всё готов.

– Это не долго! – Обрадовался Шего. – Вы сядете, а я встану, как положено оленю. Если можно, – возле Вас, – тихонько прошептал он Нимфе.

Жан-Жак, кряхтя, уселся на пол и указал на место рядом с собой: – Садись, Котёнок! И учти, что для красоты ты должен сидеть абсолютно неподвижно. – Сам он готов был стерпеть что угодно, лишь бы обрадовать друзей.

Они все замерли, как будто их фотографировали. Нимфа была абсолютно счастлива, ей лучше всех удавалось эта роль – сидеть для красоты. Бантик её расправился и застыл, снова став великолепным. Шего готов был смотреть на этот бантик бесконечно, а вот Котёнку всё это было не по вкусу. Он попытался лечь на спину, подложив под голову Коротыша с его подушечкой-сердечком, потом завертелся и сделал замечание Шего:

– Олени для красоты не так стоят. У тебя одна нога должна быть приподнята.

– Я попробую... – согласился Шего.

– А тебе, Жан-Жак, – не унимался Котёнок, – необходимо подчеркнуть, что ты Медведь.

– Где подчеркнуть? – не понял Жан-Жак.

– Не «где», а как. Например, можешь обнять лапами сосну.

– Где же я её возьму? – Жан-Жак огляделся по сторонам.

– Сосну можно посадить, – пришёл на помощь Шего. – Посадили же мы лук!

Котёнок захохотал: – Вот-вот! Давайте, сажайте! Таких безобразий в квартире натворим, что нас никогда не простят!

Нимфа посмотрела на Котёнка с возмущением. Он всё портил!

– Вам бы не мешало принять какой-нибудь вид! – сказала она сердито.

– Пусть мне его дадут, тогда – приму. – Котёнок нарочно развалился так, как совсем не подходило «для красоты».

– Вид – не кусок колбасы! – Нимфа рассердилась ещё больше, голос её стал злым и неприятным.

Жан-Жак понял, что характер Нимфы на глазах портится. С Красавицами это случается нередко! Он с трудом встал на четвереньки, потом поднялся на задние лапы. Он всегда теперь так делал, потому что по-другому вставить старому Медведю было трудно.

– Я тоже ничего для красоты больше делать не хочу. Никому из нас это не нужно. Ты, Шего, мой друг, для тебя я готов на всё. Но мы с тобой знаем одно, мы, любимые, старые игрушки, и мы всегда были готовы к трудной настоящей игре. Пусть мы истрепались и не сохранили вида, – но мы исполнили своё предназначение. Ну, а если Вы к такой жизни не готовы, – он посмотрел на Нимфу, – то я посоветую Вам отправиться в страну «Для красоты».

– Правильно! – крикнул Котёнок, – Bravo!

– Не сердитесь на меня, – заплакала Нимфа, стараясь не закапать бантик слезами, – поймите, Жан-Жак! Вы такой уже, как бы это сказать...

– Замызганный. – Подсказал Медведь. – Не стесняйтесь!

– Ну, да... нет, Вы такой заигранный. А я ещё совсем новая, и мне всегда хочется оставаться беленькой и пушистой. Дети не любят мыть руки, для меня невыносимо с ними играть!

Шего не мог смотреть спокойно, как плачет Нимфа: – Конечно, Вы правы, успокойтесь, – заговорил он взволнованно. – Друзья, поможем Нимфе добраться до страны, то есть, до

шкафа, где живут Игрушки Для Красоты. Мы – это мы, но она должна жить совсем другой жизнью!

– Связался ты..., – начал, было, Котёнок, но увидел наполненные слезами глаза Шего и замолчал.

Жан-Жак вздохнул: – Иди сюда, Котёнок. Сейчас влезешь мне на спину, на тебя встанет Шего. А дальше, – он сделал полупоклон в сторону Нимфы, – Твоя принцесса будет у цели.

Нимфа хотела броситься Медведю на шею, но он отстранился. Котёнок сделал вид, что занялся Коротышом, а тот был несказанно рад вниманию и продолжал на все лады повторять своё единственное слово – «люблю».

– Прощайте, – сказала Нимфа Шего, – вспоминайте меня.

– всю мою жизнь, – прошептал Олень. – ...Чтоб ни грозило впереди, все беды перевешивает счастье свидания с Джульеттой, хоть на миг... Я всегда буду помнить и ждать. Прощайте!

– Не будем долго с этим возиться, – довольно грубо прервал их прощание Котёнок. – Начинаем..., Ромео!

Жан-Жак, Котёнок и Шего быстро сделали очень удобную пирамиду, по которой Нимфа легко, как по лесенке, добралась до шкафа, где жили Игрушки Для Красоты.

Задрав головы, звери смотрели ей вслед, потом Шего крикнул: – Будьте счастливы! – Но ему никто уже не ответил.

– Не слышит. – Проворчал Котёнок, – Знакомится со статуэтками.

– Сверху вообще плохо видно и ничего не слышно. – Постарался утешить друга Жан-Жак. – Ничего, Шего. Пройдёт...

Никто не знал, что делать дальше. Выручил Коротыш, который один был рад всему происходящему и прыгал, поднимая как можно выше сердечко-подушечку:

– Люблю!, – кричал он громко, – Лю-блю!!!

Шего казалось, что это не Коротыш, а он сам кричит вслед Нимфе это замечательное слово, которое никогда не произнёс вслух: – Люблю!!!

– Ну, что ж, – произнёс Котёнок, – пора по домам, нас ждут дела. Огород, да и вообще... Коротыша бабушке вернуть пора. Таня скоро вернётся...

– Верно, – поддержал Жан-Жак. – Примемся за дела, и всё пойдёт по-прежнему.

Шего стоял понурившись: – Знаете, – сказал он друзьям, – прошу вас, не сердитесь, я понимаю, что поступаю, как предатель, но я больше не могу. Я устал и хочу уйти в Страну Старых Игрушек. Жизнь для меня кончилась.

– Как не стыдно! – завопил Котёнок, но тут же, сменив тон, ласково и взволнованно продолжил.

– Шегунчик, миленький! Ну, забудь ты про неё! Ну, не стоит она этого!

Жан-Жак отвернулся и хорошенько вытер глаза, после этого он произнёс твёрдым голосом: – Надо терпеть, друг Шего. Ты не имеешь права киснуть. Ты – игрушка, а значит должен уметь терпеть трудности.

– Нет, дорогой Жан-Жак, нет Котёнок, – сказал Шего, – мне очень тяжело. Я понимаю, что я не должен... Но не могу. Ты сам говорил, что надо уходить вовремя.

Котёнок опрометью бросился под диван, и оттуда слышались подозрительные звуки, как будто кто-то горько заплакал.

Жан-Жак обнял Шего и тихо сказал: – Эх, как я тебя понимаю, друг. Я бы и сам ушёл... Ну, а как же он? – Жан-Жак кивнул в сторону всхлипов под диваном. – Как быть с Коротышом, которого мы обещали Бабушке вернуть в целости и сохранности? И ещё мы не увидели, вырос ли посаженный для Тани лучок. Мы ведь должны вернуться, чтобы проститься с Таней. Пока мы не убедились окончательно, что не нужны ей...

Тут Медведь понял, что Шего не слушает его и что все уговоры бесполезны.

– Что ж, – сказал он спокойным голосом, – если ты всё решил окончательно, мы проводим тебя в Страну Старых Игрушек, а потом вернёмся домой.

– За огородом смотрите, – сказал Шего, потому что не мог сейчас найти нужных слов. – Лук надо вырастить к Таньному возвращению.

– Будь спокоен, – пообещал Жан-Жак, – всё сделаем! Вылезай, Котёнок! Хватит плакать. В конце-концов, надо понимать своих друзей. Успокойся и следи за Коротышом, чтоб он в дороге не потерялся. Мы проводим Шего и вернёмся домой. Нам надо спешить.

Часть третья

ОБРЕТЕНИЕ

...Путь в кладовку, где друзья надеялись найти Страну Старых Игрушек, был не весел, ведь там предстояло расставание с Шего. И Жан-Жак, и Котёнок буквально не сводили с него глаз, а тот говорил друзьям, как счастлив был всегда участвовать с ними в общих играх и что он самый счастливый олень на свете. О Нимфе они предпочли больше не вспоминать. Даже Коротыш примолк, и не выкрикивал своё заветное слово «люблю», будто понимая, как тяжело будет Шего слышать его. Дверь в кладовку открывалась туго, но друзьям удалось её открыть, – им многое удавалось, когда они были вместе.

– Тихо как, – сказал Котёнок, первым пролезая в приоткрытую дверь, – тихо и темно...

– Так и должно быть, – печально прошептал Жан-Жак.

Постепенно их глаза привыкли к темноте, и они начали с интересом оглядываться.

Ты мне дружок?

Чего только не было в кладовке! Как много там было вещей, которые стали не нужны! Висели старые пальто и шляпы, стояли большие коробки, на полках разместились пустые банки, в которых когда-то было варенье и компоты, бутылки, в которых был когда-то вкусный сок. В общем, очень много чего находилось в этой кладовке, похожей на все другие кладовки в мире. Но вот никаких игрушек видно не было.

– А где же игрушки? – поинтересовался Котёнок, шаря одной лапой, так как другой он цепко держал Коротыша. – Что скажешь, Жан-Жак?

– Будем искать, – прошептал Медведь. Котёнок хотел сказать, что вряд ли что-то можно найти в незнакомом месте и в темноте, но споткнулся на что-то и упал.

– Осторожно, пожалуйста, – послышался неприветливый голос, – Здесь следует вести себя аккуратно...

– Кто вы? – испугался Котёнок.

– Мы? Гм... Мы старые Танины Сапоги. Она из нас выросла. А вы кто?

– Мы Танины Старые Игрушки...

– Ах, ведь вы, наверное, совсем недавно видели дождь... и лужи, – загалдели сапоги. – Какое это счастье, видеть дождь! Какой он теперь?

– Мокрый, – сказал Котёнок. – Не нахожу в нём ничего хорошего.

– Вам не понять! – вздохнули сапоги, – А здесь вы зачем?

Это счастье!

– Нам нужна Страна Старых Игрушек. – Не скажете, где это?

– Игрушки тут какие-то появлялись, – неуверенно сказали сапоги, – идите дальше вглубь, там стоят разные ящики и коробки, ищите!

Держась друг за друга Жан-Жак, Шего и Котёнок двинулись, было, по указанному пути, но тут же в страхе остановились: – с ними не было Валечки-Коротыша! Они испуганно ахнули, пытаясь в темноте разглядеть знакомую фигурку.

– Коротыш! Валечка! Где ты? – громко закричали они, уже не думая о каких-то предосторожностях. Ответом на их призывы были шорохи, скрипы, но знакомый голосок не отзывался, привычного «люблю» они не услышали.

– Это я виноват, – сокрушался Котёнок. – Я выпустил его, когда споткнулся! Где теперь его искать?

– Всё из-за меня, – сказал Шего. – Это я придумал идти в Страну Старых Игрушек... Что вы скажете Бабушке, если он не найдётся.

– Проверим всё вокруг, – решил Жан-Жак, – и найдём обязательно! Слышите? Чей-то голос...

Они двинулись на звук и оказались в уютном уголке, среди кусочков и обрезков разных материй всевозможных расцветок. Посреди этого вороха, как королева, расположилась старая Швейная Машинка. На её боках виднелись золотые медали, вся она была тяжёлая, важная, одним словом – серьёзная старинная вещь. Тихонько и размеренно постукивая челноком, она негромко напевала:

– Хороша я, хороша... Да плохо одета. Никто замуж не берёт... Девушку за это...

– Здравствуйте, – поклонился Жан-Жак, – простите, что беспокоим.

– Заходите, не стесняйтесь! – Явно обрадовалась Швейная Машинка. Пошить чего-нибудь хотите?

– Мы товарища своего потеряли, – объяснил Котёнок, – чудик такой смешной, не приходил?

– Чудиков не видела, – сказала Швейная Машинка. – Заказчиков теперь давно нет. А когда-то – отбою не было. Помню, платьица ситцевые шила, да как много-то... И строчу, и строчу... И шёлковое, и шерстяное... А уж в прежние-то времена сколько кружевных платьев сшила – не перечесть! А теперь все в одинаковом ходят. Мужскую одежду от женской не отличишь! И кроить ничего не надо... Усреднённое. А если одежда усреднённая, то и под одеждой... Да! Что и говорить! Вот скоро совсем челноком двигать перестану, а мастерство передать некому.

– Грустно! – сказал Шего. – У меня была знакомая, она очень любила всё нарядное и красивое. Она бы Вам хорошей ученицей была. Её звали Нимфа...

– Вот уж Нимфы мне вовсе не нужны! – рассердилась Швейная Машинка, – Они ведь, бесстыдницы, полуголыми по лесам бегали, и нынешние с них пример взяли. Зачем им шить учиться? Выдумали тоже! – И она снова запела, постукивая челноком: – Хороша я, хороша... Да плохо одета...

– Моя Нимфа скромная была, – возразил Шего дрожащим голосом, – даже застенчивая. Она просто не могла привыкнуть к трудностям.

– И товарищ наш пропавший никакой не чудик, – сказал сердито Жан-Жак. – Зря ты так, Котёнок. Коротыш был добрый, он про любовь говорил...

– А вот такой-то как раз недавно заходил! – оживилась Швейная Машинка. – Прибежал, ручки с красненькой подушечкой протянул да и объявил ни с того, ни с сего: «Люблю!» Ну, я для этих разговоров теперь стара, а вот подушечка красненькая мне понравилась, как раз бы для иголок. Но он её так крепко в ручках держал, – не отнять было... Бегите, может ещё недалеко ушёл. А будет надобность – возвращайтесь!

Челнок снова застучал в такт песне, а друзья поспешили прочь, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. И вот они остановились перед большой коробкой, в которой что-то тихонько позвякивало. Они неуверенно постучали, звяканье стало громче, и послышалось много-много звонких и тонких голосочков, кричащих хором и вразнобой «Кто там?», «Заходите!», «Что нужно?» и «Мы вам рады!»

– Думаю, мы найдём здесь Коротыша! – обрадовался Жан-Жак, – Мне кажется, я слышу его голосок!

Коробка раскрылась. На пороге стояла... самая настоящая Снегурочка. – Заходите, не стесняйтесь, – пригласила она любезно, – Вы пришли в Страну Ёлочных Игрушек.

– Ой!!! – удивились звери. – Мы и не знали, что такая страна существует!

– Я с удовольствием проведу для вас экскурсию. – Снегурочка была в высшей степени любезна. – В путь!

Эта страна вначале друзьям понравилась, – она была очень звонкая и яркая. Какие замечательно красивые шары встречались им на пути, сколько было рыбок, поросят, птичек, и всё сверкало, всё звенело.

– Уж очень они тут все одинаковые, – пробурчал Котёнок, у которого от серебряного и золотого блеска начали сле-

зиться глаза. – Но зато мы нашего тряпочного Коротыша среди них сразу увидим...

Они шли по нарядным улицам, праздничное убранство которых не могло не улучшить настроение даже очень грустного Шего.

– Как тут красиво и весело! – повторял оленёнок. – Нимфе бы очень понравилось!

Жан-Жак был доволен, что друг повеселел, и он тихонько бурчал себе под нос песенку про ёлочку и иголки. Тут Снегурочка обратила их внимание на длинную очередь, в которую проворно устремлялись все ёлочные игрушки.

– За чем стоим? – поинтересовался Котёнок.

Серебряный шар с цветком на боку недовольно сверкнул в его сторону:

– Вы что, иностранец? Мы к врачу стоим.

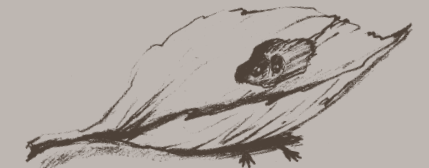
Жан-Жак заволновался: – Почему же все вдруг к врачу? У вас тут, может быть, эпидемия? Мы мальчика нашего ищем... Подушечка, то есть сердечко красное в руках! Если он тут у вас заболит...

– А что тут у вас, – корь, скарлатина, грипп? – поинтересовался Котёнок.

Снегурочка и ответить не успела, как поднялся крик и звон:

– Они произносят страшные слова! Кто их пустил! Они заразят нас этими словами! У нас будет, корь! Будет скарлатина! Будет грипп! Мы не доживём до Нового года! Мы не увидим Ёлку! Зачем они пришли? Гоните их!

Друзьям стало страшно. Весь блеск Ёлочной Страны, острый и враждебный, устремился на них. Но вмешалась Снегурочка:

а ты, пузатик, не злись,
а то лопнешь
раньше времени!

– Вы ничего не поняли, милые мои. Не волнуйтесь, к нам пришли в гости тоже игрушки, только не ёлочные. Они добрые и не опасны для вас, потому что мягкие!

– Понятно, к какому врачу они стоят! – пробурчал Котёнок. – Ненормальные!

– Нет, – самые обычные, – улыбнулась Снегурочка, – но вся их жизнь состоит из обследований у врача. Они очень хрупкие и даже маленькая трещинка помешает им принять участие в новогоднем празднике и стать украшением новогодней ёлки. Всего несколько дней в году они находятся в центре внимания. А потом целый год берегут себя и ждут!

– Скучотища! – сказал Котёнок.

– Да! Не позавидуешь! – вздохнул Шего.

– И нашего Коротыша тут нет, – подытожил Жан-Жак. – Пошли отсюда, а то ещё раздавим кого-нибудь.

– Милые, вы последние? – Спросил кто-то нудным голосом. За ними пристроилась витиеватая ёлочная канитель.

– Мы стоять не будем, тётенька. За этим гражданином держитесь. – Котёнок ткнул в бок шар с цветком. Тот звякнул сердито.

– О-хо-хо... – затянула Канитель, – Едва добралась.

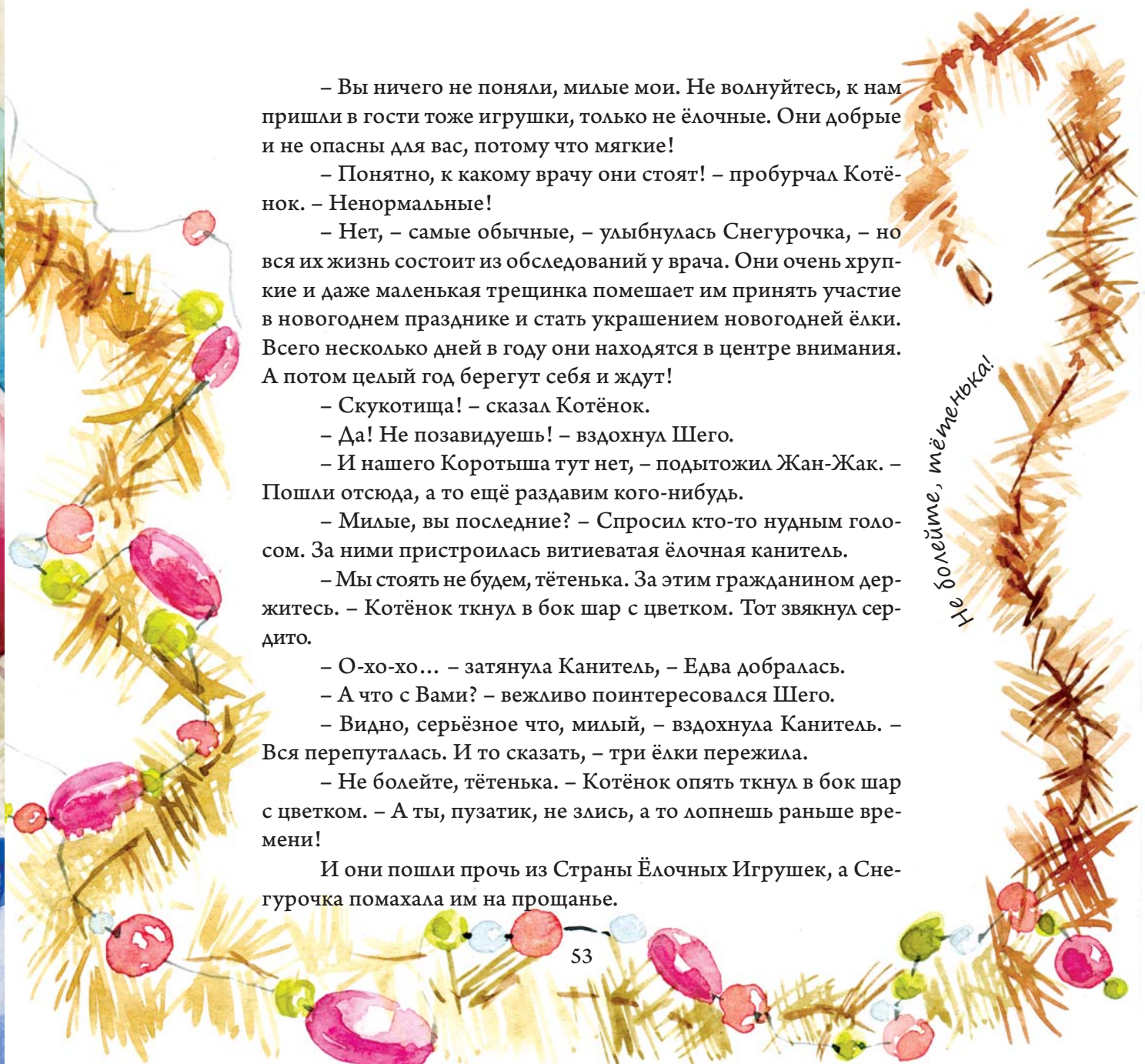
– А что с Вами? – вежливо поинтересовался Шего.

– Видно, серьёзное что, милый, – вздохнула Канитель. – Вся перепуталась. И то сказать, – три ёлки пережила.

– Не болейте, тётенька. – Котёнок опять ткнул в бок шар с цветком. – А ты, пузатик, не злись, а то лопнешь раньше времени!

И они пошли прочь из Страны Ёлочных Игрушек, а Снегурочка помахала им на прощанье.

Не болейте, тётенька!

– Бедная девочка! – пожалел её Жан-Жак. – Я думал они весёлые, а они от страха звенят!

– Их можно понять и пожалеть, – сказал Шего. – В них играют всего несколько дней в году и у них совсем короткий век. Впрочем, из моды они не выйдут, их компьютером не заменишь. Новый год будут праздновать всегда.

...Медленно и осторожно они продвигались дальше по извилистым закоулкам кладовки. Поиски Коротыша продолжались пока что безуспешно. В конце-концов, они набрали на большой ящик с замком, который неожиданно легко открылся. В футляре помещалась старинная Пишущая Машинка с буквами-кнопками, катушками и разными рычажками управления. Сверху крупными буквами было написано слово: «Ундервудъ».

– Простите за беспокойство, господин Ундервудъ, – сказал вежливо Жан-Жак. – Не заходил ли к Вам, случайно, Коротыш?

– Все имена внесу в ведомости, всё будет аккуратно напечатано и сохранено, – залопотала Пишущая Машинка и кнопки-буквы весело застучали.

– Говори громче, – посоветовал Котёнок, – он ещё старше нас...

– Я Жан-Жак, а это мои друзья Шего и Котёнок. Мы ищем Коротыша, мальчик такой головастый, волосики верёвочные и сердечко в руках. Не заходил?

– Не так быстро, пожалуйста! Я не успеваю печатать... Так, вначале Жан-Жак. Жан-Жак Руссо, философ, музыкант, ботаник... 1712 год... искусство отрицал. Предпочитал фантазию

реальности. Точка. Если я желаю нарисовать хороший летний пейзаж, необходимо, чтобы вокруг была зима. Точка... Дальше?

– Мы мальчика потеряли... – начал Шего, но Ундервуд застучала ещё стремительней: – Так! Сейчас! Шего... Горный Козлёнок Шего... Герой сказки... Смелый и благородный...

– Вообще-то он у нас олень! – возразил Котёнок.

– Так и напишем – олень. Как корабль назовёшь, так он и поплывёт... А ты Котёнок... Тут и прибавить нечего... Всё? Тогда – точка.

– У него сердечко в руках, – не отставал Жан-Жак, – И он всё время произносит слово «люблю». Может, видели?

Ундервуд стучал, не останавливаясь:

– Итак, факты и только факты! Мы, нижеподписавшиеся жильцы дома номер тринадцать требуем незамедлительно убрать незаконную стоянку машин в нашем дворе. Точка. И тридцать подписей. Двоеточие. Перечисляю...

– Пожалуйста, не надо, – попросил Шего. – Он такой беспомощный, наш Коротыш. С ним может произойти несчастье, его могут обидеть...

– Да не старайся зря, – махнул лапой Котёнок, – бесполезно...

Стук Пишущей Машинки стал реже и спокойней: – Коротыш... Мальчик с сердечком... Был... Заходил... Помню...

– Куда он пошёл? – Закричали друзья взволнованно.

– Откуда я могу знать, – устало и абсолютно нормальным, не стучащим голосом, сказала Пишущая Машинка. – Я последнее время всё путаю, всё забываю... Но главное помню. А главное то, что воображение больше реальности. Так говорил Руссо... Созданное воображением, – создано вдохновением, стало быть – способно чувствовать и мыслить. Примером тому вы, игрушки, которых я вижу перед собой. Ваш мальчик нёс в руках мощное оружие...

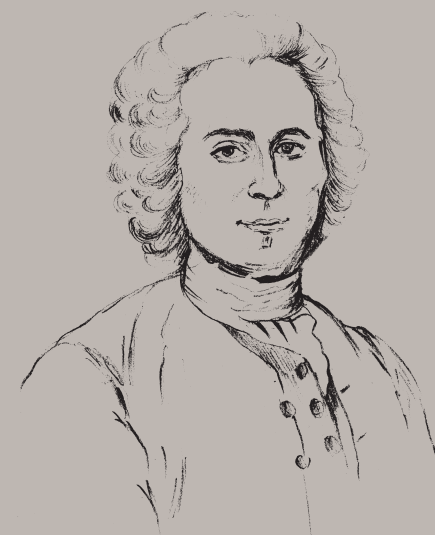
– Вы путаете, – возразил Шего, – У него не было оружия!

– Он просто «валентинка», – добавил Котёнок, – у него сердечко красное в руках, и всё!

– Прибежал, взволнованный, кричал «люблю» ... В этом слове великая сила!... Зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее, но не зло победит зло, а только любовь! Я теперь всего лишь «раритет» и никому не нужен. Все теперь работают на компьютерах. Но Компьютер – это всего лишь разум. Я вспоминаю другие времена ... Ваш родственник Жан-Жак Руссо...

– Он мне не родственник, – возразил Медведь. – Меня так в магазине назвали.

– Как корабль назовёшь, – так и поплывёт. Не властны мы в самих себе, и в молодые наши леты даём поспешные обеты, смешные, может быть, всевидящей судьбе... Меня не обманешь, я вижу, что Вы склонны к литературной деятельности, а

*Ваш родственник
Жан-Жак Руссо?*

Прадедушка и прабабушка

*Наш родственник
Михаил Юрьевич
Лермонтов*

Ваш друг Шего, у того явные музыкальные способности. Про Котёнка ничего сказать не могу!

– А мне и не надо! – обиделся Котёнок. – Мне главное Коротыша найти. Как же я по нему соскучился!

– Коротыш найдётся. Он далеко не ушёл...

Ундервуд помолчал и после паузы спокойно и устало закончил свою речь: – Как выйдете отсюда, – сразу поверните налево. Большая белая коробка... Там то, что вам нужно! На прощание ещё кое-что из моих печатных воспоминаний. На память о минувших временах... Не жалею, не зову, не плачу, всё пройдёт, как с белых яблонь дым. Увядания золотом охваченный я не буду больше молодым. Это специально для Вас, Жан-Жак. Если захотите когда-нибудь рассказать о ваших мыслях и впечатлениях – возвращайтесь. Я к Вашим услугам. Прощайте!

Часть четвёртая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...Большую белую коробку друзья нашли быстро. Как ни странно, на ней так и было написано: Старые Игрушки.

– Как раз то, что мы искали, – сказал Шего. – Вот она перед нами – Страна Старых Игрушек. Может, дальше я пойду один?

– Всё-таки мы должны представлять, где ты теперь будешь жить. К тому же, мы ведь ищем Коротыша. – Жан-Жаку не просто давался спокойный тон. А Котёнок, – тот просто дрожал от волнения.

...На первый взгляд ничего печального в стране Старых Игрушек не было. Навстречу им спешили весело гремящие погремушки, много резиновых кошек, зайцев и собачек. Все переговаривались, язык был писклявым, свистящим, гремящим, но, в общем, вполне понятным. Друзья пошли за ними следом, и тут их встретил Пупсик.

Розовый и улыбающийся, как все пупсы. – Здравствуйте, – сказал он. Улыбка на его круглом лице, как и положено пупсам, оставалась неизменной. – Добро пожаловать в Страну Старых Игрушек. Вы пришли навсегда?

– Мы приятеля провожаем, – объяснил Жан-Жак. – Наш друг Олень...

– Вот это замечательно! Я режиссёр театра Старых Игрушек. И сейчас как раз начинается спектакль. Заходите, посмотрите, а потом мы всё обсудим.

Звери не успели ничего сказать, а уже оказались в зрительном зале в первом ряду. Театр выглядел абсолютно, как все театры в мире. Ряды заполнили погремушки и всякие резиновые пищалки. Друзья уселись поудобнее, и вместе со всеми стали смотреть на сцену, – больше им ничего не оставалось делать! Как и положено, в начале представления в зале погас свет, и занавес пополз вверх. На сцену выскочили две погремушки и уставились друг на друга. – «Уа-Уа», – начала оглушительно вопить одна из них, а другая что есть силы загремела. Зрители захлопали. Погремушки раскланялись и убежали. Их сменили две резиновые кошки. Они тоже уставились друг на друга, и одна закричала «Уа, Уа», а другая начала оглушительно пищать. Раздались аплодисменты, кошки раскланялись. Занавес опустился и зажёгся свет.

– Антракт! – объявил появившийся Пупс-режиссёр. – Как вам понравилось? – спросил он друзей. Те сидели в недоумении.

– Мы где находимся? – осведомился Котёнок. – Это всё как называется?

де Ипа?

Жан-Жак тоже был смущён. – Мы что-то перепутали. Это, вероятно, не Страна Старых Игрушек.

– Ничего вы не перепутали, – улыбался Режиссёр. – Старые Игрушки, это как раз погремушки, резиновые пищалки. Одним словом, то чем забавляются совсем маленькие дети. Таких, как вы, здесь нет. Если решите остаться – это будет удача для меня. Я буду ставить настоящие спектакли.

– Но почему ваши артисты могут только кричать «Уа? – спросил Шего.

– Младенцы ведь не разговаривают, а кричат «Уа». Поэтому эти игрушки ничего больше не умеют. Им не повезло, – что такое фантазия или воображение они никогда не узнали. Только пищали и гремели. Вы совсем другое дело. Много видели, ездили, может, даже за границу.

– Меня там и купили, – сказал Жан-Жак. – Но теперь мы состарились, и наше время тоже кончилось. Теперь дети играют в компьютерные игры. Но пока мы с Котёнком должны вернуться обратно.

Режиссёр выглядел очень внушительно. Ему очень шла его причёска, то есть, никакой причёски и не было, потому что, как у всех пупсов, у него не было волос. Но ведь театральным режиссёрам свободная от волос голова очень идёт!

– Что поделаешь? В жизни много перемен, – сказал он. – Вначале и я был любим, Таня меня часто мыла, я даже путешествовал, бывал на море. Но потом она подросла, и появились вы, звери, а в пупсов и кукол она больше играть не хотела.

Не переставая улыбаться, Пупс-Режиссёр горько вздохнул. – Когда меня сюда отдали, – было нелегко привыкнуть, но я понял, что нужен этим совсем неразвитым игрушкам. Я решил заняться их образованием. Так мы создали театр. Сейчас начинается второе отделение, и вы увидите кое-что интересное. Это моя новая постановка, сегодня как раз премьера. Вам повезло.

Свет опять погас, занавес пополз вверх. На сцене зрители увидели... детскую комнату. На первом плане стояла кровать, в ней лежал спеленатый ребёнок. Вокруг кровати на столиках и тумбочках стояли бутылочки с сосками, лежали разные ползунки, распашонки и пелёнки. Но главное, – было большое количество игрушек. Резиновые кошки, зайцы, собачки, погремушки всевозможных форм и размеров – от них просто рябило в глазах. На сцене появился Режиссёр. Он повернулся к залу лицом, – в оркестровой яме большая погремушка-дирижёр сделала знак вступления, а маленькие погремушки – оркестранты начали тихонько и в такт погромыхивать. Указывая на детскую кровать с лежащим в ней ребёнком, Режиссёр запел довольно приятным, но всё же излишне писклявым голосом арию Онегина:

–...Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел; когда б мне быть отцом, супругом приятный жребий повелел... Когда б семейственной картиной пленился я хоть миг единой!

После последней, взятой Режиссёром, ноты, погремушки на сцене окружили кровать и начали неистово греметь, а всё, что могло пищать – невыносимо запищало. Но главное, – завопил лежащий в кровати туго спеленатый младенец. К ве-

ликой радости Жан-Жака, Шего и Котёнка, они в этом невообразимом шуме и гаме явственно различили знакомое «люблю... люблю... люблю».

– Коротыш! – закричал Котёнок, – Ура! Валечка нашёлся!

Он первым ринулся на сцену, а за ним поспешили Жан-Жак и Шего. Занавес опустили. Через какое-то время они снова были вместе, а вокруг толпились зрители. Они удивлялись, пищали и гремели, друзья обнимали и тормозили Коротыша, а он тихонько и непрерывно шептал им своё «люблю».

– Не правда ли, очень интересный спектакль! – пропищала в самое ухо Котёнку довольно крупная и явно более других «продвинутая» резиновая кошка. – У меня в нём почти главная роль! Жаль, что прервали...

– Не знаю, – взъерошился Котёнок, – я ничего не понял...

– Что-то Вы очень гордитесь, – обиделась кошка, – а ведь мы с вами родня!

– Не имею чести, – начал, было, Котёнок, но Жан-Жак наступил ему на лапу.

– Не смей с ними ссориться! – прошептал он. – Шего с ними жить!

– Никогда! – ахнул Котёнок, – Среди этих глупых погремушек и пошлых резиновых кошек...?!

– Да, к сожалению, – сказал Жан-Жак.

– Шего! – отчаянно крикнул Котёнок. – Шего! Не надо!

Но Оленя уже обступили новые друзья. И как только он мог выносить этот звон и писк? Видно тот, у кого разбито сердце, мало обращает внимание на окружающие неудобства.

– Как хорошо, что Вы будете теперь с нами, – доверительно говорил ему Режиссёр. – Вы не пожалеете! У нас творческая обстановка. Вы себя найдёте, я уверен. Олень – это почти всегда трагическое амплуа... Вы прирождённый трагик!

Шего покорно соглашался, но видно было, что мысли его далеко.

Котёнок решительно оттеснил всех орущих и пищащих.

– Поставили бы нормальный спектакль, что ли! – Нелюбезно сказал он Режиссёру. – Например – «Репку» ... Или, – он покосился на многочисленных кошек, – «Кошкин дом».

– Было! – улыбался Режиссёр. – Мы всё время ищем новых путей. Вместо репки дед у нас сажал арбуз, потом грушу, орех... Правда, хотелось бы знакомить жителей страны с более серьёзным репертуаром. Мечтаю поставить «Евгения Онегина», но у нас трудности с актёрским составом. Сами видите. Оттого мы сразу же приняли в труппу Коротыша. Теперь придётся отменять спектакль, в котором он был занят...

– А наш друг Олень кого будет играть? – Жан-Жак грустно смотрел на Шего. В первый раз в жизни у него что-то болело и ныло под левой лапой

– Посмотрим... Не возражаете что-нибудь спеть нам или прочитать?

Шего потерянно молчал. Котёнок пришёл на помощь:

– Спой ему из той же оперы, Шегунчик! Арию Ленского. Да тихо вы! – прикрикнул он на кошек. – Распищались...

Наступила уважительная тишина, и Шего, устремив взгляд куда-то вдаль, начал:

– Куда, куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?
Жан-Жак неожиданно для себя громко всхлипнул.

– ... Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит. В глубокой тьме таится он...

Теперь, не стесняясь и не скрываясь, всхлипывал и Котёнок. Кошки от изумления разинули рты, погремушки боялись невзначай загреметь, а Пупс-Режиссёр был в абсолютном восторге:

– Какой талант! – шептал он. – Теперь-то, наконец, мы создадим полноценный театр!

– Благословен и день забот, благословен и тьмы приход... – закончил Шего сквозь слёзы.

Зрительный зал разразился писком, громыханием и криками «браво»!

Котёнок первым взял себя в руки, – Ну, всё! Пора прощаться! Как думаешь, Жан-Жак?

– Пора. – Подтвердил Медведь и крепко обнял Шего. – Не грусти, друг! Ещё встретимся.

– У меня никогда не будет друга, лучшего, чем ты, – сказал Котёнок. – Я не говорю тебе «прощай»... И попробуй здесь не скучать.

У Шего от горя разъезжались копытца, но он тоже старался держаться. – Думаю, найду здесь себе занятие, – произнёс он. – Тут всё же театр. Искусство...

– Для игрушек искусство – это интересная игра с детьми, – сказал Котёнок. – Может, передумаешь, Шегунчик?

Олень испугался: – Нет, нет, друзья! Я остаюсь. Идите. Я всегда буду помнить вас, вашу дружбу и наши игры с Таней. Ну, Коротыш, скажи мне на прощанье своё единственное слово, которое я не перестану повторять, вспоминая всех вас.

– Люблю! – крикнул Коротыш. И Шего повторил следом за ним: – Люблю! И прощайте! А если когда-нибудь увидите Нимфу, то передайте ей, что пока я не превращусь в пыль...

И тут произошло непоправимое. Друзья были так расстроены прощанием, что забыли об опасности. Рёв раздался сейчас же, словно Пылесос выслеживал их и находился постоянно неподалёку. Сразу подул холодный ветер, он заглушал испуганные крики обитателей Страны Старых Игрушек.

– Мы не должны дать пылесосу войти в кладовую! – крикнул Жан-Жак, – Если мы не опередим его, – все здесь погибнут! Бежим! Прощайте!

Вой ветра усиливался, Жан-Жак схватил за лапу Котёнка, который крепко держал Коротыша, и они бросились бежать. Они не заметили, что Шего устремился следом и вместе с ними покинул Страну Старых Игрушек.

Поддерживая друг друга, плечом к плечу они старались продвигаться вперёд, сопротивляясь холодному ураганному ветру и почти ничего не видя. И они успели оказаться на пороге кладовой раньше, чем туда добрался тяжёлый Пылесос! Когда Котёнок приоткрыл глаза, то от ужаса онемел и загородил собой Коротыша, – на них надвигалась тёмная воющая громада.

– Всё... – прошептал Жан-Жак. – Он прижал к себе друзей и крикнул: – Не бойтесь! Это будет быстро и не страшно! Главное, – мы вместе! Котёнок зажмурился и вдруг ясно, на одну секунду, увидел Таню, услышал её голос, и ему захотелось позвать её на помощь. Но он знал, что Таня далеко. Гибель неотвратимо приближалась. Они закрыли глаза, но в этот момент послышался лёгкий, стремительный прыжок... и тёмная громада замедлила своё наступление. Жан-Жак открыл глаза. Шего, нагнув голову, изо всех сил упираясь лбом, не давал Пылесосу

двигаться вперёд. У оленей всегда крепкие лбы, ведь на них растут рога! И никакая сила не могла сдвинуть Шего с места, хоть копытца его упирались в пол из последних сил. Казалось, Пылесос был остановлен, но его длинная змеиная шея скользнула вперёд и хищная воющая пасть нацелилась прямо на обнявшихся в испуге друзей. Всё случилось очень быстро. С криком «люблю» Коротыш метнулся вперёд и заткнул собой эту страшную затягивающую дыру. Пылесос поперхнулся, попытался проглотить маленькое тряпочное тельце, но... рёв его затих и он замер безмолвно. Из замершей пасти торчали беспомощные ножки Коротыша.

...Пылесос больше был не опасен. Коротыша вытащили из замершей пасти, взъерошенный и помятый, он был цел и невредим, только вот красное сердечко осталась внутри Пылесоса, а потому Коротыш молчал. Друзья поняли, что они больше никогда не услышат такого привычного слова «люблю».

– Я понял, почему Ундервуд говорил, что в руках Коротыша было мощное оружие..., – сказал Шего.

– Я смеялся над ним..., – Котёнок гладил лапой верёвочные волосы Коротыша, – не хотел его брать в путешествие. А он всё прощал...

– Его обижали, а он всё равно повторял – люблю. – Жан Жак поднял Коротыша на руки. – Ты правильно сделал, Шего, что не остался. Теперь мы вместе пойдём домой.

Они медленно и грустно двинулись в путь, и тут заметили, что Пылесос, о котором они совершенно забыли, плетётся следом.

– Тебе чего надо? – воинственно спросил Котёнок и распушил усы. – А ну, пошёл прочь, мерзавец!

Пылесос понуро молчал, вид его был жалок, и Шего сказал. – Пусть идёт, если хочет. Ведь у него внутри теперь находится сердце Коротыша.

В пути Пылесос так хотел быть полезным, что в конце-концов, тельце Коротыша положили на него. Так они и шли, впереди покорённый враг, на нём, как на лафете, лежал Коротыш, а сзади понуро шли Жан-Жак, Шего и Котёнок.

Больше всего Жан-Жак боялся шкафа, где в Стране Игрушек Для Красоты обитала теперь Нимфа. Но когда они приблизились к нему, Шего совершенно спокойным голосом предложил:

– Друзья, постоим немного здесь. Теперь здесь живёт наша Нимфа. Не будем её осуждать за то, что она оказалась слабее нас, чего стоит дружба, которая ценит только силу?

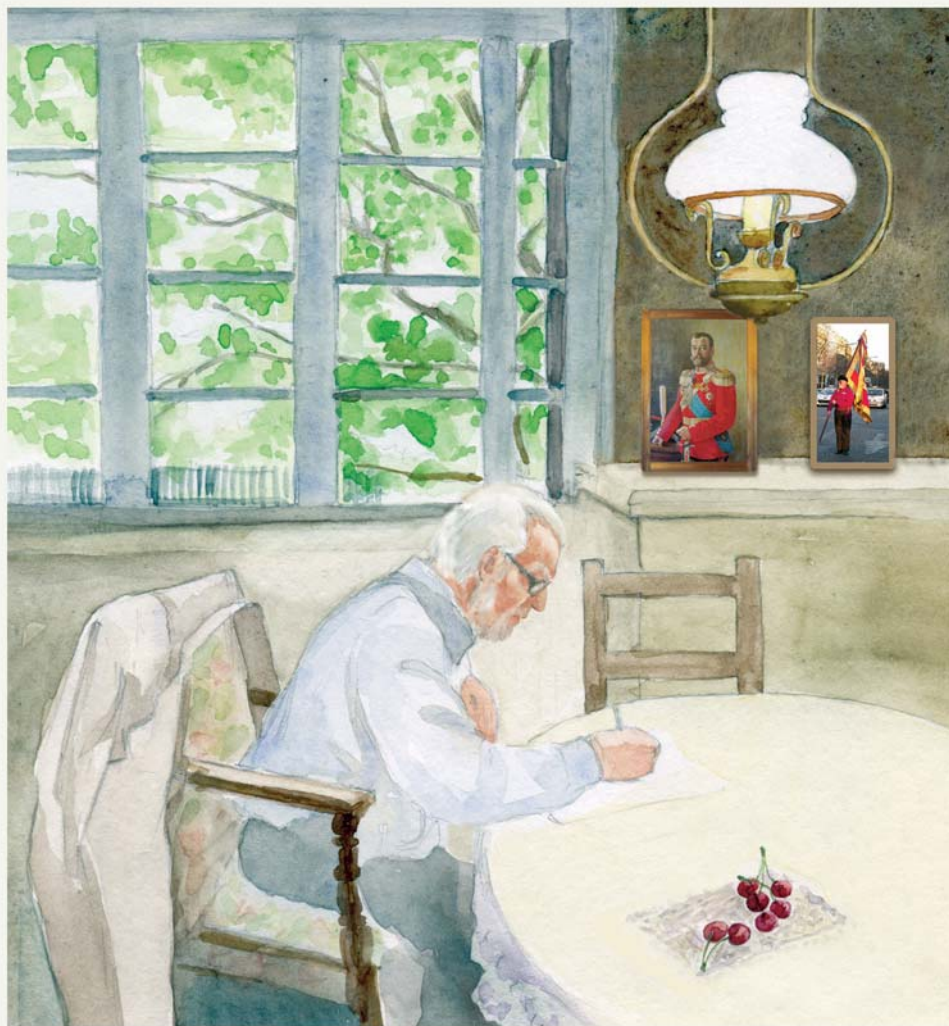
Они посмотрели вверх и увидели... Нимфу. Да-да! Нимфа смотрела на них сверху, более того, она так свешивалась, что чуть не падала.

– Нимфа! – закричал Котёнок что есть силы, – Нимфочка! Иди к нам!

Старый мудрый Жан-Жак сразу понял то, о чём не догадывались Шего и Котёнок: Нимфа давно ждала, горевала, скучала и теперь несказанно рада, что видит их всех перед собой.

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Шего только стоял и смотрел, не сводя глаз, а Котёнок истошно заорал

– Прыгай! Прыгай, Нимфа!

Никто не успел остановить её, – Нимфа прыгнула! Шего в ужасе бросился к ней и увидел, что Нимфа улыбается ему самой счастливой улыбкой.

– Вы забыли, Шего, что я – всего лишь мягкая игрушка и падения мне не страшны. Я так рада видеть всех вас. Простите меня.

– У Вас бантик развязался, – тихо сказал Шего.

– Какое это имеет значение, – ответила Нимфа. – Мне так много надо сказать Вам...

– И мне, – вздохнул Шего.

Тут Нимфа заметила стоящий в стороне абсолютно не страшный Пылесос и распростёртого на нём Коротыша. Ей рассказали о том, что произошло, и она горячо обняла и прижала к себе головку с верёвочными волосами. А потом сняла с шеи свой великолепный бант, привязала его к ручкам Коротыша и сказала: – Пусть он теперь украшает Коротыша...

– Ну, вот! – сказал Жан-Жак. – Мы снова все в сборе и возвращаемся домой. Мы многое увидели, и многое поняли во время нашего путешествия. Мы игрушки, у нас нелёгкая жизнь, но мы должны быть благодарны судьбе. Ведь мы бывали так счастливы, когда фантазировали вместе с детьми. А красота верным игрушкам необязательна. У меня раньше была «рычалка». Я ведь медведь, мне без этого нельзя. Теперь «рычалка» сломалась.

– Со мной тоже много чего случилось, – вздохнул Котёнок, – я уже больше не белый. Однажды мы с Таней потеряли бант и даже один раз оторвали хвост. Но я не огорчаюсь. Если в тебя любят играть, – что-нибудь обязательно случится.

Шего грустно усмехнулся: – Я вот весь выгорел. Никаких оленьих пятнышек больше нет. Не олень, а коза.

Нимфа прикоснулась к нему носиком: – Я ничего не боюсь, – прошептала она. – Только бы с тобой...

– А маленький наш Коротыш был всё-таки среди нас самым мудрым, – сказал Жан-Жак. – Как я буду скучать без этого его «люблю» ...

И вдруг они услышали, как Пылесос низким, хриплым голосом неумело выговорил – «лю-блю».

– Ура! – закричал Котёнок. – Сердечко Коротыша живёт теперь в этом... уроде, то есть, в Пылесосе. И оно заставило его измениться в лучшую сторону. Он больше никогда не будет опасен для Игрушек!

– А Коротыш ещё научится говорить, я уверена. – Нимфа расправила великолепный бант, привязанный к ручкам Коротыша.

И они уже радостно продолжили обратный путь.

... Домой они вернулись вечером. Бабушка дремала, уткнувшись носом в чайное блюдце. На окошке, в горшке с землёй виднелись маленькие, но очень бодрые и решительные зелёные стрелочки молодого Лучка. Увидев пришедших, Лучок испугался и залопотал: – Вот уже тебе вредят, чтоб ты вырос не хотят... Бабушка! Спасай! Вредители приближаются!

Бабушка очнулась и радостно охнула: – Ой! Да какие же это вредители! Это наши дорогие вернулись! А я уж не чаяла и дожидаться. А внучек-то мой... Батюшки! А это чудище зачем с вами? – закричала она, увидев Пылесос.

– Лю-блю... – пробурчал тот смущенно.

– Ещё чего не хватало! А Коротыш-то мой почему на нём расположился? Что это с вами случилось?!

Бабушке всё по порядку рассказали. И как попали в кладовку, и кого там встретили. Как Шего совсем, было, остался в Стране Старых игрушек, а потом оказалось, что их выследил Пылесос, и, чтобы спасти обитателей Кладовки, они должны были все выйти ему навстречу, хотя и понимали, что их ждёт гибель. И Шего уже снова был с ними, но справиться с Пылесосом для них было трудно. И когда его заглатывающая страшная пасть уже готова была проглотить их всех, в этот страшный момент Коротыш и закрыл эту пасть собой. И Пылесос сразу затих. Коротыша они вытащили, а Красное Сердечко так и осталось в Пылесосе. Но с этого момента он стал добрым и ласковым. И очень полюбил Коротыша. Весь обратный путь вёз его на себе и сейчас не хочет с ним расстаться.

Бабушка во время рассказа и горевала и радовалась, но всё поняла правильно:

– Внучёк мой, Валечка-Коротыш, убогонький был, а на таких, как он, мир держится. За други своя пострадал, сердечко отдал. Любовь – большая цифра.

– Я знаю, чем займусь, – сказал Котёнок. – Выучусь на программиста и изобрету вирусы любви. А потом заражу ими все компьютеры, и все планшеты, и вообще весь мир.

*Когда-нибудь, в трудную минуту ей,
может быть, понадобятся детские воспоминания,
чтобы найти силы жить дальше.*

– Чего их изобретать, – вздохнула Бабушка, – Эти вирусы уже две тысячи лет назад изобретены. Только мир им пока сильно сопротивляется. Вы не мешкайте, ложитесь спать. Таня не должна заметить, что вы без неё самовольничали. Укройтесь одеялом, да и ожидайте, пока она возвратится.

...Звери улеглись под тёплое одеяльце, а Пылесос и Коротыш в обнимку примостились в углу. Пылесос охранял Коротыша, как верный пёс, и при каждом шорохе тихо ворчал «люблю».

– Как ты думаешь, Жан-Жак, что нас ждёт? – спросил Шего. – Я думаю, с Таней наши пути пока разошлись. У неё впереди большая жизнь и много дел. Когда-нибудь, в трудную минуту ей, может быть, понадобятся детские воспоминания, чтобы найти силы жить дальше. Тогда мы встретимся снова. А сейчас нам всё-таки придётся уйти в Страну Старых Игрушек. Но меня это больше не пугает и не огорчает. Я буду играть в театре. Надеюсь, Нимфа пойдёт со мной. Она может учиться шить у Швейной Машинки, или тоже стать артисткой театра. Для неё роль найдётся. Ты согласна, Нимфа?

– Спроси меня сто раз, – сто раз отвечу, что я... согласна, – тихим нежным голосом ответила Нимфа.

– О чём речь! – подал голос Котёнок. – Готовая Джульетта!

– Согласен с тобой, – подумав, ответил Медведь. – У меня не выходит из головы предложение Ундервуда написать историю наших приключений. А потом можно сделать из этого театральную сказку и сыграть её в театре.

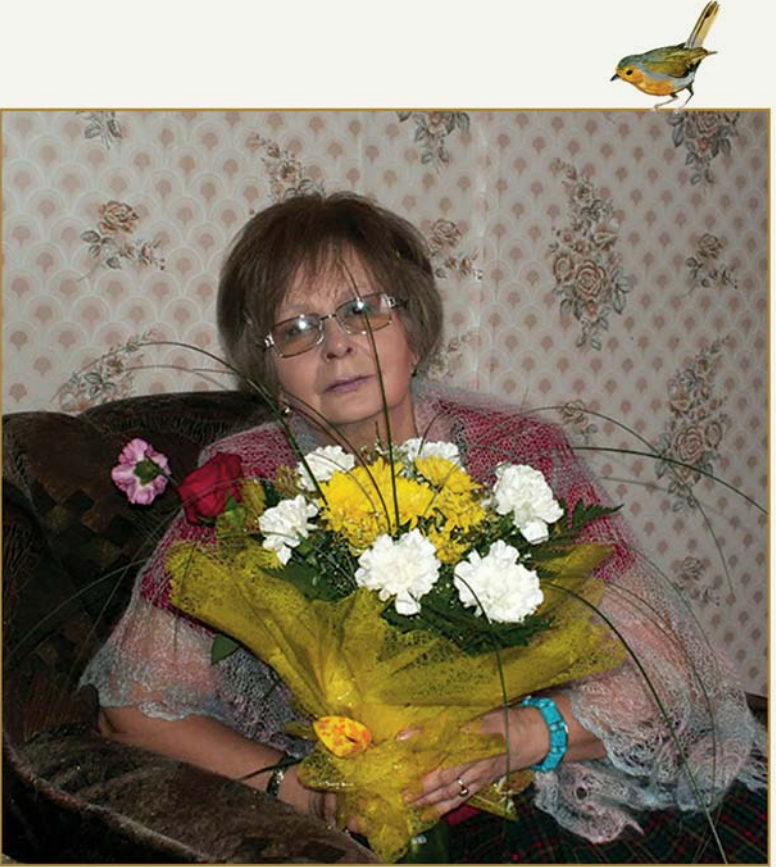
– Ура! – крикнул Котёнок, – В таком случае согласен быть вторым режиссёром. Усы у меня есть, для театрального деятеля это не маловажно!

... И в комнате снова было тихо и темно. Неизвестно, видят ли игрушки сны, но Жан-Жак вдруг очутился в огромном, величиной от земли до неба театре. Зал был бескрайним и полон всеми обитателями земли и всеми предметами, которые они создали. А на огромной сцене стоял крохотный Коротыш. Неожиданно громко, он начал говорить удивительные слова. И было странно, что Кто-то доверил самому ничтожному тряпочному существу произносить слова, от которых зависело, – наступит ли на планете Земля завтрашний день:

– «...Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая... Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. **ЛЮБОВЬ НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАЕТ**».

Выражаем искреннюю благодарность за финансовую поддержку издания
Игोरю Игоревичу Шаталову

Содержание

Часть первая. Сомнение.....	5
Часть вторая. Испытания.....	27
Часть третья. Обретение.....	45
Часть четвертая. Возвращение.....	59

Ольга Сидельникова-Вербицкая
(Франция)

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ
(театральная сказка в четырёх частях)

Художественное оформление и вёрстка
Е. П. Фокина

Подписано в печать 15.08.15.

Гарнитура Arno Pro.

Формат 65x94/12. Печ. л. 6,5.

Печать офсетная. Бумага мелованная.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Типография НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15
www.npprint.com